

913 (с 124)

90С-28

С 28

Северный Край

журнал, издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного Края.

КНИГА ВТОРАЯ

МАРТ-АПРЕЛЬ 1922 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. О крестьянских волнениях в 1905—1906 годах. *П. В. Засодимского* 3
2. Говоры Прионежья. *Н. С. Шайкина* 11
3. Районирование Вологодская область 23—59
4. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач. *Д. И. Деларова* 24
5. Районирование и северная промышленность. *Л. И. Андреевского* 45
6. Вологодская областная административная единица. *А. А. Колычева* 53
7. Павел Владимирович Засодимский (к 10-летию со дня смерти писателя). *П. Б-ва* 60
8. Библиография. Бежецкий край. *Л. И. Андреевского* 61
9. Из жизни Северного края 65
9. Сообщения с мест. Великий Устюг. *П. П. Шенникова* 66

ВОЛОГДА.

Типография Северосоюза.
1922.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

СТЕКЛОТРЕСТ

Правление Об'единенных Предприятий Керамико-Стекольной Промышленности Вологодской губернии.

ПРАВЛЕНИЕ в Вологде, Краснофлотская набережная д. 39. Тел. 45 и 142.

Председатель Директор-Распорядитель В. И. СЛЕПЦОВ, тел. 45.
Технический Директор Л. В. ТЕТЕЛЮТИН.
Коммерческий Директор Н. В. НИКУЛИЧЕВ.
Член Правления, Заведывающий заготовкой строительн. матер.,
строительн. работами и транспортом, А. К. СИЛИН, тел. 241.
Член Правления, его помощник И. А. ПИРОГОВ.
Бухгалтер В. Г. СУХАРЕВ.
Секретарь Правления Д. А. ЯКУБОВСКИЙ.

В состав Правления входят следующие предприятия Вологодской губ.

УСТЬЯНСКИЙ СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД—село Устье Кадниковского у.

Управляющий, канд. в члены Правления В. И. НИКУЛИЧЕВ.

КУБИНСКИЙ СТЕКОЛЬНЫЙ ЗАВОД—Станция Харовская сев. ж. д.

Управляющий, канд. в члены Правления М. А. ПАРШИН.

КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ № 1 и 2—г. Вологда, Городское всполье,

Управляющий, канд. в члены Правления Ф. М. БЕЛЯЕВ.

ЧЕРЕПИЧНЫЙ ЗАВ. и МУКОМ. МЕЛЬНИЦА—ст. Баklanga сев. ж. д.

Управляющий Г. А. БАНОВИЧ

АЛЕБАСТРОВЫЙ ЗАВОД

Заведывающий И.

ВЫРАБАТЫВАЕТ: оконное и
строительный кирпич, алеба-
стровый порошок, заготовку

Отпуск товаров производится
через кооперативы и частным
лицам, и путем тов.

Трест покупает за наличный
счет продовольствие и предметы
личного пользования
работавших в тресте

О подробностях купли-продажи

7 1978

К

913 (с 124)
с-28

ИЗДАНИЕ
С.И. Сестерова

902.7
с28

Северный Край

журнал, издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного Края.

КНИГА ВТОРАЯ

МАРТ-АПРЕЛЬ 1922 г.

ВОЛОГДА.

Типография Северосоюза.

1922.

7
БИБЛИОТЕКА
№ 2978

ПРОРЕЗНО

О крестьянских волнениях в 1905—1906 г.г.*)

I.

В Саратовской губернии вспыхнули крестьянские волнения. Царское правительство стало „успокаивать“ крестьян...

В с. Малой Шитневке казаки при содействии местных черносотенцев жестоко избили крестьян, из которых четыре человека тут же умерли. Из числа избитых отобрали 12 человек и отправили под арест в с. Романовку, но один из них дорогой умер и брошен в селе Дурнякине. В с. Сорокине казаки так неистовствовали, что даже вызвали протест одного из своих товарищей; казак вступился за избиваемых и прекратил зверскую расправу. В с. Киндоле, Ивановке и Ключах казаки избивали встречного и поперечного. В Ключах избивание крестьян казаками происходило в присутствии и по указанию земского начальника. (С. От. № 226, 227 и 245).

Расправа в с. Чирикове (Балашовского у.) особенно характерна; она может служить иллюстрацией к тем зверствам, какие совершались над несчастным народом. Здесь казаки плетью истязали крестьян, „били по чему попало“, по спине, по животу, по голове, били без счета. Из 70 человек мужского населения 50 подверглись этой пытке. Истязали стариков лет 60—65 и 17-ти летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетью. Казаками командовал полк. Зворыкин, давший честное слово, что—если беспорядки не прекратятся—все село будет разнесено пушками... (С. От. № 240).

Верим „честному слову“ г. Зворыкина, потому что сдержать это честное слово вполне возможно и не только безопасно, но его исполнение может доставить даже полк. Зворыкину генеральские эполеты... Этот доблестный полковник вполне заслуживает того, чтобы его внести в список героев—на ряду с Минами, Зыковыми и Фроловыми, отличившимися подобно ему при избивании безоружного народа. Фамилии всех этих опричников и описание их славных подвигов должны быть занесены на черную доску Истории,—да ведают наши потомки „земли родной минувшую судьбу“...

Казаки показали себя достойными своих атаманов. Они не только избивали крестьян, но и обкрадывали их, тащили их последний жалкий скарб, воровали все, что было можно, что попадалось под руку.

*) 17 мая этого года исполнится 10 лет со дня смерти известного писателя—вологжанина П. В. Засодимского. В этом же № светлой памяти Павла Владимировича посвящается отдельная статья. Здесь вниманию читателей предлагается еще нигде не напечатанная статья П. В. Засодимского, написанная, судя по фактам, в 1905—1906 годах. Статья названа была им „В наши дни“. Редакция дала ей другое название.

У нищего крали суму... Так, в с. Бощманове у крестьянина С. В. Арефьева при аресте было украдено белье, 2 брюк, столярный алмаз, шапка, жилет... „И это не единственный случай“, замечает корреспондент (ib).

Саратовская губ. зем. управа телеграфировала ген. Сахарову о зверствах казаков в Балашовском уезде. „Казакки бьют, калечат, грабят, насилуют женщин, убивают“. (ib. № 227).

Наконец 8 ноября сам ген. Сахаров с казаками и с артиллерией прибыл в с. Хованщину „успокаивать“ крестьян. Он обратился с речью к народу. Со стороны крестьян с целью выяснить положение дел выступили сельские власти—староста и председатель волостного суда, но они немедленно же были избиты казаками до потери сознания. После того ген. Сахаров удалился в здание волостного правления, перед которым собрался народ. Здесь губернатор стал вызывать крестьян „по списку“ и допрашивать: „Признавайся,—поджигал, грабил?“— „Нет!“—А-га! Казаки! „Являлись на сцену казаки и били, били по-сменному, до потери сознания, отрубали куски мяса с лица, вырывали волосы бороды и затем сажали в кутузку... Били и стариков 70 лет. Казаки были пьяны, варварство их не поддается описанию... (ib. № 236).

Так ген. Сахаров „успокаивал“ саратовских крестьян.

Кровавые подвиги его и его достойных приспешников не остались в тайне. Узнало о них русское общество, возмутилась общественная совесть, и громко заговорили о мучительствах и истязаниях, каким этот генерал-адъютант подвергал несчастное, голодное крестьянское население—всех без разбора, старцев и детей. Узнав, что его злодеяния и издевательства над беззащитным народом всплыли наружу, ген. Сахаров захотел оправдаться перед людьми во взводимых на него обвинениях и, по словам одной газеты, писал своей жене: „В газетах московского происхождения уже пишут, что я утопил в крови Саратовскую губ., но это конечно вздор, так как по моему приказу не сделано ни одного выстрела и Бог даст сделано не будет“... (Нов. Вр. № 10.669).

Даже „самому близкому своему другу“ ген. Сахаров не решился сказать *всей* правды, (так она была ужасна!) и дал объяснение весьма уклончивое. „По моему приказу не сделано ни одного выстрела“... Залить страну кровью можно и не прибегая к выстрелам; людей можно убивать не одними ружейными пулями или артиллерийскими снарядами. Каин без ружья убил Авеля. До изобретения пороха и до введения огнестрельного оружия земля обильно заливалась человеческою кровью...

Саратовскую губ. можно было без единого выстрела „утопить в крови“, по выражению ген. Сахарова. Крестьян можно было истязать до смерти, пронизывать штыками, рубить саблями, срезывать сабельным ударом часть лица, разбивать головы нагайками... Так и было в действительности.

Наконец, явился мститель за поруганный, замученный народ. Какая-то неизвестная женщина убила Сахарова и сказала: „Теперь больше не будет мучить крестьян!“ Кто бы ни была эта женщина, она—героиня, и саратовское крестьянство с чувством глубокой признательности будет вспоминать о ней,—и почему знать, быть может, не далеко тот день, когда ей и ей подобным действительно народным героям—казненным, замученным опричниной—народ поставит памят-

ники. Да! В будущем им станут памятники ставить, а не Муравьевым—вешателям...

Когда женщину, убившую Сахарова, избавившую от него народ, доставили в тюрьму, то в тюрьме произошли „беспорядки“: арестанты так энергично требовали ее освобождения, что для усмирения их пришлось вызвать войска (ib.).

Труп ген. Сахарова привезли с помпой хоронить в Петербург. На гроб его возложили царский венок; его хоронили „под залпы орудий артиллерии и стрельбу войск“, но ни ружейная трескотня, ни пушечный грохот не заглушили того недоброго слова, каким народ проводил в могилу ген. Сахарова...

„Нововременские“ волки завывали...

Под покровом мрака „ночи 80-х и 90-х годов“ набралось в нашу журналистику много гнусной, скверной тли, составившей довольно значительный контингент провокаторов, сплетников и пасквилянтов. В это же время в нашу литературу пробрался между прочим, г. А. Ст—н, раньше пописывавший в „Пет. Вedom.“, а ныне подвизающийся на столбцах „Нов. Вр.“.

Как всякая тля, сегодня он—тут, завтра—там; его перо готово к услугам всех, кто достаточно платит, готово писать все, чего изволите, что прикажете, все, что угодно. Это—типичный представитель в литературе черносотенного направления в духе „партии правового порядка“, „союза русских людей“ и т. п.

Вот этот-то г. А. Ст—н живет в том же доме, где и семейство ген. Сахарова, и от прислуги он слышал, что генеральские дети—по получении известия о смерти отца—„страшно убиваются, все время плачут“... „Бедные дети!“ восклицает г. Ст—н. (Нов. Вр. № 10,666). А сколько крестьянских детей плачет в Саратовской губ. и как горько плачут эти дети, лишившиеся своих отцов—кормильцев, истерзанных, изувеченных, убитых казаками при нашествии ген. Сахарова,—о том генеральская прислуга не говорила г. Ст—ну, и он молчит о них.

Г. Ст—н, может быть, и знает или, по крайней мере, догадывается, что плачущих крестьянских детей в Саратовской губ. в настоящее время много, очень много, но весь запас его гуманности и сострадания распространяется лишь на лиц первых трех классов. Тут плачут генеральские дети... А там где-то в Саратовской глуши плачут дети мужиков,—да притом еще мятежных мужиков, бунтовщиков, которых и следует забивать на смерть, резать, душить, а хаты их „разносить пушками“... Нет! Гуманность г. Ст—на не может заходить так далеко, распространяться на грязную, голодную деревенскую детвору.

Далее этот господин пишет о генеральских детях: „Бедные дети... Теперь они плачут и безпокойные их детские сердца безпомощно колются в маленьких детских грудках, но они выростут и что накопится в их созревших думах и возмужавшем чувстве?... Месть?... Прощение?“...

И мне, конечно, жаль детей ген. Сахарова... Но их детское горе скоро забудется: время залечивает и не такие душевные раны, как горе о потере отца. Но генеральские дети, по крайней мере, будут избавлены от материальной нужды: за ними останется отцовская пенсия, они могут рассчитывать на всякие пособия и на всякие милости свыше, и путь для вступления в жизнь будет для них ровен и гладок.

Крестьянские дети—в другом положении. К горю их об искалеченном или убитом отце присоединится еще злая нужда; матери их не только не получают никакой пенсии и никаких пособий, но министр вн. дел, г. Дурново, даже позаботился о том, чтобы им не выдавали ссуды, то есть, лишил их последнего куска хлеба. Пойдут ребята „в кусочки“; станут побираться по миру; будут жить эти несчастные в холоде, в голоде, без теплого платишка на плечах в студеную пору, а в перспективе для них—преждевременная могила или жизнь тяжелого труда и лишений...

В виду страданий этих осиротевших малюток совершенно бледнеет, ступшевывается горе генеральских детей.

Горе этих генеральских детей, как я сказал, скоро забудется... Но вот, когда они выростут, когда узнают о том, какую роль играл их отец в эпоху освобождения России, быть может, их горе будет глубже, и сами они будут достойнее сожаления, чем теперь... „Что накопится в их созревших думах и возмужавшем чувстве?“ спрашивает г. Ст—н. Да. Это — вопрос...

Не должно забывать, что жить людьми взрослыми, жить сознательной жизнью они будут уже в свободной России. Рости они будут при других условиях, чем г. Ст—н; при других условиях вступят они в жизнь...

„Иные люди в мир придут,
Иные чувства и понятия
Они с собою принесут“...

Тогда черное не станут называть белым, разбойники не будут пользоваться уважением, правительство не решится сказать обществу: „Молчи, не говори правды, а то—убью!“...

Напрасно г. Ст—н меряет все и всех на свой аршин—даже и людей будущего...

Если дети Сахарова будут честными гражданами, то, познакомившись с историей нашего народа—страстотерпца, ознакомившись с историей наших дней, они поймут, что мстить им за отца не за что и не кому, а также и прощать им не кого. Совершенно напротив... В жизни им не раз, может быть, придется пережить тяжелые минуты при воспоминании о неслыханных ужасах наших кровавых дней. И вот тогда-то их будет жаль.

Конечно, дети неповинны в грехах и преступлениях отцов. Но печать Каина, которою История клеймит братоубийц—врагов народа, и на потомство их набрасывает тень. Историческая Немезида—неумолима.

II.

В двух старинных книгах описываются ужасы „драгонад“—ужасы той эпохи, когда самодержавное правительство Людовика XIV преследовало протестантов за то, что они думали и веровали не так, как желал король—Солнце и как требовал католический Рим.

„Войска производили везде неслыханные жестокости. Все им было позволено, кроме убийства“,—говорится в тех старых книгах. Протестантов всячески мучили, подвергали их всевозможным истязаниям—физическим и нравственным: лили им в рот кипяток, били палками по подошвам, вырывали бороды по одному волоску, клали

горячие уголья им в руки и заставляли держать их сжатыми, пока уголья не погаснут; обжигали им ноги, держа их подолгу перед сильным огнем или прикладывая к подошвам раскаленные железные лопаты. Одного из протестантов, по имени Рио (Riau), „связали, защемили пальцы, загоняли булавки под ногти, протыкали ему ляжки и лили в раны уксус и сыпали соль“...

Иных протестантов солдаты раздевали донага и, подвергнув всевозможным унижениям, обкалывали булавками с ног до головы, резали их ножами; у иных срывали ногти на руках и на ногах. „Драгуны привязали г-жу де-Везансе к ее кровати и, когда она открывала рот, чтобы сказать слово или вздохнуть, плевали ей в рот“...

И женщинам драгуны оказывали не больше уважения и не больше милосердия, чем и мужчинам. Они не щадили чувства стыдливости и самым гнусным образом оскорбляли, позорили женщин. Драгуны связывали отцов и мужей и в присутствии их бесчестили их жен и детей. Они глумились, издевались над женщинами,—поднимали им юбки на голову и обливали их водой; иных драгуны раздевали до рубашки и заставляли плясать с ними. „Двух девиц из Калэ, по имени ле-Нобль, совсем нагих разложили на мостовой, и в этом виде оне подвергались насмешкам и оскорблениям прохожих“... И драгуны везде, по всей Франции—в Бургони, Пуату, Шампаньи, Гвиенне, Нормандии, Лангедоке—действовали одинаково: избивали, жгли, насиловали женщин... (Benoist. „Histoire de l'Edit de Nantes“, vol. V, pp. 180, 887—892.—„Quick's Synodicon in Gallia“, vol. I, pp. CXXX, CXXXI).

Это происходило во Франции в 1685 г.

Прошло 227 лет после тех ужасов... Цивилизация за это время сделала большие шаги вперед, смягчила нравы, сделала правительства гуманнее, жизнь человеческая стала цениться дороже, явилась Декларация человеческих прав, человеческое достоинство, человеческая личность стали уважаться, явились даже общества покровительства животным, союзы для защиты птиц...

Наступил XX век... И в нашем несчастном отечестве разразились такие ужасы, которые своею жестокостью и чудовищностью превосходят и драгонады Людовика XIV, и Варфоломеевскую ночь и неистовства инквизиции,*)—такие ужасы, от которых, по выражению канадского министра-президента, Вильфрида Лорьера, „стынет кровь в жилах“...—Проведем параллель между французскими и нашими драгонадами.

Во Франции деспотическое правительство, не выносившее свободы ни политической, ни религиозной мысли, мучило, терзало людей с помощью преданных ему драгунов,—мучило за то, что они веровали не так, как желал король-Солнце и как повелевал Рим. Наше правительство в бессильной злобе, с яростью терзает, мучит, убивает всех, кто борется за свободу и счастье народа, всех, кто думает и чувствует не так, как желательно его опричникам. Во Франции отличались неистовствами драгуны; у нас также—драгуны и еще более казаки, своим диким зверством и жестокостью заслужившие вечную ненависть русского народа.

*) По вычислению Льеренте, историка Инквизиции, Торквемада в течение 18 лет казнил 10,220 человек in gloriam Dei. А у нас в течение 12 месяцев для поддержки самодержавия загублено вдвое более человеческих жизней, так что кровожадный Торквемада является еще очень милостивым по сравнению с нашими опричниками.

Французские драгуны оскорбляли, позорили женщин, издеваясь над их чувством стыдливости. У нас женщин также не щадили—и стегали нагайками.

Французские драгуны насильовали женщин—иногда даже в присутствии их отцов и мужей. У нас казаки также насильовуют женщин. В с. Большие Сестренки (Балашовского у.), напр., казаки открыто насильовали женщин... „Отгонят мужа нагайками и насильовуют... Человек 5—6 одну“... (Сар. Днев.—Нар. Хоз. № 2). В с. Чернавке того же уезда были изнасилваны казаками 13-ти-летняя девочка и беременная женщина, которая после истязаний родила мертвого ребенка. Обе изнасилванные умерли.. Казаки требовали, чтобы местный священник выдал им жену, но той удалось убежать. (Разсказ об этом записан со слов шести крестьян с. Дмитриевки на ст. Летяжевка рязанско-ур. ж. д., препровождавшихся в Балашовскую тюрьму, 14 ноября 1905 г.). (С. От. № 245).

Но между драгонами Людовика XIV и зверствами наших казаков, драгун и черносотенцев есть и разница. Во Франции в 1685 году драгунам „все было позволено, кроме убийства“. У нас же дозволено и убийство, дозволено все, без всяких условий и ограничений. Так, на ст. Кавказской учительница Дугенцова была растерзана толпой черносотенцев в присутствии офицера и казаков. Близ Иванова-Вознесенска в присутствии жандармов была забита на смерть черносотенцами дочь врача, Гинкен.

Параллель не в пользу русских „драгонад“ 1905 года.

Французскими драгунами предводительствовали офицеры различных рангов. Имена их нам неизвестны. Из истории лишь известно, что они были свирепы и кровожадны. С ними для параллели я могу сравнить, напр., тамбовского вице-губ. Богдановича и его приспешников, заливших кровью тамбовские деревни. Но прежде, чем говорить о подвигах Богдановича, я скажу несколько слов об отчаянном экономическом положении тамбовских крестьян.

Большинство помещичьих крестьян в Борисоглебском уезде, подвергшемся нашествию Богдановича, владеет неполными наделами—от $\frac{3}{4}$ до $3\frac{1}{2}$ десятин. 30 лет тому назад арендные цены там были до 8—12 руб. за десятину. В течение 30 лет население увеличилось, а арендная плата за один посев на одной десятине поднялась до 30 руб. Только русские крестьяне могли так долго терпеть этот помещичий грабеж. Но и их терпению пришел конец. „И мы жить хотим!“ заговорили крестьяне... Прошлым летом тамбовские крестьяне говорили: „Если к осени не будет какой нибудь перемены, тогда крышка—и нам и господам: все одно погибать! А терпеть дольше мы не можем!“ (С. От. № 230). Осенью *никакой перемены* не произошло,—и вспыхнуло аграрное движение...

Западно-европейское общество, вероятно, поймет наконец причины нашего крестьянского восстания: оне те же, что и причины французской революции 1789 г., то есть, народ дольше не может терпеть ненавистного режима, осуждающего его на голодную смерть ради интересов кучки людей, бездарных, жестоких, своекорыстных, готовых с легким сердцем залить кровью всю Россию—лишь бы сохранить за собой полную безответственность и хозяйничанье народными деньгами...

В виду горящих барских усадеб гр. Уваров почувствовал живейшее желание облагодетельствовать крестьян и предложил наделить

их землею из казенных, удельных и помещичьих земель, причем крестьяне должны заплатить за землю „по справедливой оценке“. Делать оценку будет, разумеется, гр. Уваров и К^о и, конечно, с такой же „справедливостью“, с какой они определяют арендные цены... Лучше бы уж гр. Уварову не беспокоиться о крестьянах, а заняться, напр., с кн. Щербатовым организацией черносотенных сил при благосклонном внимании Дубасова Московского,—и предоставить Богдановичам решать экономические вопросы, как принято у нас, с помощью плетей и пулеметов.

В газетах сообщалось, что Богданович отдал приказ: „Пуль не жалеть!“ (Н. Ж. № 346). Он отрицал эти приписываемые ему слова. Но вот факт, который он не мог отрицать: явившись в Борисоглебский у. усмирять крестьян, он сказал исправнику Ламанскому: „Меньше арестовывайте, больше стреляйте!“. Эти слова были сказаны в присутствии депутации от Борисогл. биржевого общества и были доведены до сведения общества в публичном заседании 7 ноября. Исправник Ламанский в свою очередь говорил становым: „Убеждения оставьте, действуйте огнем. Чем больше у вас будет убитых, тем больше будет у вас заслуг перед начальством“...

Крестьяне были отданы в полное и безграничное распоряжение озверевшей полиции, солдат и казаков. Все законы—божеские и человеческие—были попорчены. Манифест 17 окт., казалось, был издан где-то на другой планете. В воздухе слышался лишь один клич „бить!“. И люди—звери били, истязали, убивали. Били плетьюми, нагайками с вплетенною проволокой и с свинцовыми наконечниками, увечили ружейными прикладами, расстреливали... Били взрослых, били подростков, женщин, стариков. Засекали до безчувствия, многих—до смерти.

Старосту с. Александровки, который телеграммой просил у губернатора защиты против казацкой орды, Богданович приказал арестовать; старосту пытали, кто его научил послать телеграмму.

Крестьян предавали зверскому истязанию, несмотря на отсутствие улик в том преступлении, в каком их подозревали. В с. Павлодаре замучено таким образом 7 крестьян, в с. Алешках—5, в с. Липягах—9. Желая замаскировать свои злодеяния, власти свозили убитых и изувеченных из Павлодара и других сел в Павловку, имение Волконских, чтобы показать, что эти крестьяне были убиты и искалечены при нападении на это княжеское имение. Здесь, в имении кн. Волконских 13 ноября после семидневных страданий умер Алекс. Григ. Дубровин, изувеченный и расстрелянный казаками по распоряжению администрации. (Покойный Дубровин поехал в деревни с целью отговаривать крестьян от поджогов и грабежей).

В с. Павлодаре один из крестьян, Павел Зайцев, пытался скрыться на чердаке земского училища. Там его все таки нашли и, вытащив на улицу, стали бить прикладами и плетьюми. Когда он захрипел, мучители сказали: „Собаке—собачья и смерти!“ и выстрелом из ружья прикончили его.

В с. Алешках крестьян истязали в присутствии самого исправника, Ламанского. Истязуемым внушалось, что они „предаются телесной казни“ по указу Е. Императорского Величества Государя Императора“. В этом же селе был схвачен и подвергся истязанию случайно проходивший мимо волост. правления, где производились экзекуции, железнодорожный машинист Апол. Полянин-Подболотов. Он только позволил напомнить, что „телесные наказания отменены еще в прош-

лом году Высочайшим Манифестом". По приказу Ламанского несчастного заступника подвергли беспощадному истязанию. Полубесчувственного его ввалили на телегу и повезли на станцию Мучкап за 50 вер. от Алешков. Дорогою опять принялись бить его, и привезли его в Мучкап уже мертвым.

Каждому из участников в этих злодействах выдано в награду 5 руб., не считая угощения водкой. Убийцам же пожалована двойная награда: деньги и повышение по службе. (С. От. № 229—230, 242).
Цена крови...

Нет! Чем далее мы проводим параллель, тем более убеждаемся, что сравнение, взятое нами, непригодно. Кровавая расправа Богдановича с голодными, безоружными крестьянами по своей жестокости далеко оставляет за собой неистовства драгонад Людовика XIV. То были цветочки, а ягодки-то через двести слишком лет созрели в среде наших российских опричников.

Поручик Щербинин, получавший от своего начальства приказы—поджигать деревни и стрелять в мужиков, по телефону сообщал жене: „Кругом нас льется кровь, все об'ято пламенем; мы рубим, режем, стреляем“... (ib).

Пожарища, толпы изувеченных крестьян, трупы и потоки крови обозначали путь победоносно шествовавшего Богдановича и его шайки.

Богданович был застрелен в Тамбове. Какие награды получили его ближайшие сотрудники (Ламанский и др.)—нам неизвестно.

Разгромленные города, груды трупов и кровь, кровь... Напоило правительство русской кровью не только поля далекой Манчжурии, но и родную землю... Как хищные звери, рыщут по стране толпы казачков и драгун и—по их собственным словам—„рубят, режут, стреляют, жгут“...

Вот я читаю корреспонденцию из Томска.

20 октября томская полиция организовала лже-патриотическую, черносотенную манифестацию. Манифестанты шли по улицам, „бесчеловечно терзая“ и избивая встречавшихся с ними студентов, скандаля и безобразничая. Так дошли эти „патриоты“ до здания управления жел. дороги и здесь, вооруженные револьверами, дрекольем и камнями, окружили отряд городской милиции. Из толпы манифестантов слышались выстрелы, (стреляли из казенных револьверов переодетые полицейские); милиционеры ответили тем же, и толпа „патриотов“ вмиг разсыпалась в разные стороны. В это время на помощь черносотенцам появились казаки и солдаты. Толпа опять собралась и окружила милиционеров, которые в виду войска принуждены были скрыться в здание управления жел. дороги. Двери были забаррикадированы, и черносотенцы не могли проникнуть внутрь дома.

Тогда часть их толпы отделилась и начала погоню на улице за теми, кто ей казался подозрительным; их били и убивали, а за теми, кто успевал удаляться, гнались казаки, останавливали и предоставляли их черносотенцам. Другая же часть толпы той порой подожгла здание. Люди, скрывшиеся в здании, задыхались от дыма. „Некоторые в отчаянии бросались к окнам, но черносотенцы и солдаты встречали их выстрелами, и они падали. А грозное ауто-да-фе все увеличивалось и увеличивалось; запылал и стоявший рядом театр. Было несколько

храбрецов, пытавшихся спастись по водосточным трубам, но и их ожидала не лучшая участь: раненые, они падали на землю, где толпа „патриотов“ терзала их. Убитых грабили, снимали с них платье и белье, а также обирали все ценные вещи.

На улице разложили костры, которые освещали мрак этой варфоломеевской ночи... Среди толпы ходил губернатор, заложив руки в карманы и любуясь работой манифестантов. (Азанчеев-Азанчевский— фамилия этого господина). Толпа стаскивала убитых в кучу и закончила отвратительной выходкой, положив сверху труп девушки и воткнув ей в низ живота палку... А здания продолжали гореть; люди гибли... (С. От. № 229).

Нет! Французские драгонады, решительно, не могут идти в параллель с нашими...

В Томске сотни человек были сожжены живьем, много было зверски искалеченных и убитых...

Эти груды трупов, эти костры—картина совершенно в рембрандтовском стиле. Но постановку этих живых картин народ не простит нашим правительственным антрепренерам. Со всеми этими Азанчевскими, Нейгардтами, Курловыми, Хомутовыми, Хрипуновыми и с пославшими их народ сведет счеты. Преступления, совершенные ими, не останутся—не могут остаться безнаказанными. И, может быть, день расплаты—не за горами...

П. Засодимский.

Говоры Прионежья*).

Изучение говоров отдельных местностей и более узких районов имеет очень важное значение. Как из капель составляется море, так из познания отдельных говоров России создается целая картина „великого, могучего и свободного русского языка“. А познать язык народа—значит познать самый народ, создавший язык; недаром же с древности оба понятия эти обозначались одним словом „язык“.

Язык—яркое свидетельство о духовной и материальной культуре народа; в нем находят себе отражение черты его умственного и нравственного развития и склада. Он есть выражение народного „духа“; и для народа потерять свой язык—значит умереть духовно, исчезнуть, как исчезли, напр., онемеченные полабские славяне.

Язык развивается параллельно с развитием самого народа, постепенно растет; и изучение языка в его отдельных говорах обнаруживает, как далеко ушел народ от бедных культурою и словами дикарей и насколько он приблизился к современным культурным народам, пользующимся громадным количеством слов (в английском языке, напр., до 100.000 слов).

Вырастая, обогащаясь новыми элементами, язык в то же время сохраняет, в виде пережитков и архаизмов, и элементы древние; и в этом отношении язык является очень важным источником для познания не только исторической, но даже доисторической жизни народа. Границы распространения языка народа—есть вместе пределы и границы колонизационного движения и господства этого народа, который на своем историч. пути, будучи более сильным физически и культурно,

*) По отсутствию знаков буквы ё последняя заменяется в словах курсивным е.

подчинил себе инородческие племена и ассимилировал их. Впрочем, инородческие племена, в отношении языка, до известной степени, и сами влияют на племя господствующее, пример чему увидим ниже на взаимоотношениях русского и корельского языков.

Из сказанного следует необходимость изучения русских говоров вообще и говоров Прионежья в частности.

Говоры Прионежья, все без исключения, относятся к северному окающему поднаречию великорусского наречия. Говоры эти многочисленны и разнообразны, и—неудивительно, если принять во внимание, что Прионежье, т. е. Олонецкая губ. и Каргопольский уезд Вологодской губ., изрезано множеством озер, непроходимых болот и лесов, разделено на четыре неравномерные полосы водами Онежского озера и раскинулось на огромной площади в 130.719 кв. верст (по Стрельбицкому).

Всю массу говоров Прионежья можно, впрочем, вместе с П. Н. Рыбниковым¹⁾ свести к двум главным группам: заонежской и близкой к ней пудожской и каргопольско-вытегорской.

Главное отличие этих групп—в том, что в первой особенно сильно сказывается влияние языка корел, населяющих северо-западную часть Олонец. губ., уезды Олонецкий, Повенецкий и западную часть Петрозаводского. Влияние корельского языка отражается и на второй группе говоров (сюда должно отнести и с.-в. часть Пудож. у.) и повсюду исключительным образом состоит в том, что русские Олонец. губ. употребляют в своей речи множество слов корельского и вообще финского корня, отмеченных Н. Ф. Лесковым²⁾ и проф. Веске³⁾. В Заонежье, кроме слов корельского корня, сказывается еще другой след влияния корельского языка на русский—произношение большей части слов против ударения. В корельском языке, по особому его свойству, ударение всегда стоит на первом от начала слоге, даже в словах четырехсложных, напр. инегмине—женщина. Подчиняясь влиянию корельского языка, русский язык, как язык более культурного народа, сам могуче повлиял на корельский, и влияние это сказалось не только в заимствовании корелами массы русских слов, но и в самом построении, конструкции корельской речи на русский лад: подлежащее всегда на первом месте, потом сказуемое, далее—дополнение; глаголы требуют дополнений в том же падеже, что и в русском языке.

Общее понятие об особенностях говоров Прионежья, по былинам и причитаньям, старались дать П. Н. Рыбников в статье „Об особенностях Олонецкого поднаречия“ и Е. В. Барсов в „Примечаниях о языке причитаний“. Тот и другой автор рассматривали обстоятельно особенности 1) местного произношения, 2) словообразования, 3) словоизменения, а Барсов и 4) словосочинения. Но отсутствие как у Рыбникова, так и у Барсова короткого, непосредственного (в печати сведений о трактуемых говорах еще не было) знакомства с говорами различных местностей Прионежья и работа по неточным причетным и былинным записям ослабили значение их преждевременных работ о всем областном наречии Прионежья. Последнего рода работы могут

¹⁾ Рыбников П. Н. „Песни“, ч. IX, 275 стр. Труды Москов. диалектолог. комиссии, вып. V, 21—22.

²⁾ Лесков. О влиянии корел. языка на русский в пределах Олонец. губ. „Жив. Старина“ 1892 г., (вып. IV, 97—103 стр.)

³⁾ Веске. Славяно-финские культурн. отношения по данным языка.

явиться, как сводные на основании данных из работ над отдельными говорами, но статьи об отдельных прионежских говорах начали появляться еще сравнительно недавно и пока в очень малом числе.

Заонежский говор представлен в „Этнографической заметке о заонежанах“, от 1866 г.,¹⁾ гораздо позже в небольшой, но основательной работе свящ. Пономарева: „Кижское наречие Великогуб. вол., Петрозавод. у., Олон. г.“²⁾, в статье Н. Волкова: „Особенности языка Олон. былин И. Т. Рябинина, кр. деревни Гарницы, Сенногуб. вол., Петроз. у.“³⁾, и в ценных замечаниях акад. А. А. Шахматова в его исследовании: „Язык новгородских грамот XIII и XIV веков“⁴⁾.

Первая и главная особенность заонежского говора, очень быстрого, а не растягивающего, как утверждал Рыбников, это—упомянутое уже неправильное ударение в словах, всегда переносимое на первый слог даже в словах четырехсложных: *кóробейка*, *кóлокола* (мн. ч.). Но слово может остаться и без ударения, переносимого на предшествующий слову предлог или отрицание, если слово имело ударение не на первом от начала слоге (*ó* Рождество, *на́* бороды). Отрицание *не*, принимая на себя ударение, произносится как *ня* (ня хорош), если же ударение остается на слове, что при отрицании возможно, то отрицание получает форму *ни* (ни пошэу=не пошел).

Из *фонетических особенностей* обращают на себя внимание, исключая общего Прионежью „оканья“ и „цёканья“, переходы гласных звуков *о* в *а* (камандир) *е* в *и* (рибенек) и обратно (слуцей), *е* в *я* (сэрябро) и обратно (светой), *у* в *ы* (бытылка), *е* в *и* и *я* (биседа, добры; тясно, мяшок). Из переходов согласных интересны *в* в *у* (лаука), *г* в *у* (коуда), *л* в *у* перед согласными и на концах слов (доуго, глядеу), *щ* в *шч* и *шш* (пишча, шшука). Что касается формы *добрыи*, то Шахматов замечает, что хотя форма эта тождественна и эпосу, но эпос сам не мог бы ее породить, если бы ее не создал живой язык. Затем, Шахматову не удалось различить, произносится ли вместо *ь* и или закрытое *е*: я слышал“, говорит он, „звук средний между закрытым *е* и *и*: не то белый свет, не то белый свет, а что то среднее, выражаясь словами Гильфердинга“⁵⁾.

Из *формальных особенностей* любопытны: замена в *глаголах* форм *есть—есте* (мы есте Митреевичи), прошедш. времени деепричастием (уехауши вм. уехал), сокращен. форма повелит. наклонения (вось—возьми; грень—гребни) и оригинальная форма деепричастия наст. времени (вм. лежа—лежачку, лежачу; сидячу). В склонении *существительных* должно отметить окончание творит. падежа мн. ч. *ама* и *яма* (рукама, ногама) и сохранение зват. п. жен. рода (деуко). К особенностям *прилагательных* относится окончание имен. п. един. ч. *эй* (добрэй) и жен. р. *ея* (синея); род. п. муж. р. на *ово* и *ево* (доброво), жен. р. на *эй* (краснэй деуки), дат. п. в мягком склонении муж. р. на *яму* (синяму); в именит. мн. числа употребительно удлиненное окончание, где форма имен. п. влияет и на формы косвенных падежей (*добрыи, добрых и т. д.*). В *числительных* и след. частях речи особенности получаются от указанных выше переходов одних звуков в другие:

¹⁾ Памятн. книжка Олон. губ., 1866 г., ч. II, 6—14, язык.

²⁾ Олон. губ. ведом., 1898 г.

³⁾ Живая старина, 1893 г I, 129—133.

⁴⁾ Исследования по русскому языку, т. I.

⁵⁾ Онежские былины, стр. XXXI.

цятьре, десеть, шаздисять, двисти, тыща. В *местоимениях*: мни, тиби, сибя, тиби—кова, ен вм. он, ейнэй (ее), кажиннэй (каждый), нице (ничто). *Наречия*: здися, опосли (после) ингод (в иной год) неколи (некогда), аще (еще), выяснь (весною), не моци (нельзя). *Предлош*: к=г (г добру), с=з (з Богом). *Междометие*: охтимнешеньки выражает испуг, беду.

Все указанные особенности заонежского говора отмечаются и Волковым по былинам заонежанина Рябинина с прибавлением еще некоторых, напр, замены звука **з** звуком **ж** (рождияти—разделять), расширения **е** в **е** (почиркивае Кеев, теть, и даже **одел** вм. одел; хотя без расширения остаются: пестрой, отстегивал. Данные из строго научной статьи Волкова, объединяющей в себе с его заметками и заметки Тупикова и др. лиц, отмечавших вместе с ним особенности произношения Рябинина в собрании Геогр. Общества 8 янв. 1893 г., а также замечания Шахматова,—представляют заонежский говор, как он есть, совершенно почти сходно с данными записей Гильфердинга, но не Е. Барсова (в Кузарандских причитаньях и замечаниях о языке их).

б. Пудожский говор имеет много общего с заонежским. Особенности его (фонетич., формал., синтаксич. и лексические) отмечены нами в Олон. Губ. вedom. в 1903 г., с прибавлением на местном говоре 1) Повести о помощи святых мирянам и 2) с приметами, характеризующими стиль произведений местного народного творчества.

в) Каргопольско-вытегорский говор был предметом очерков Я. М. Светлова: „О говоре жителей Каргопольского края¹⁾“, Ал. Мельницкого: „Говор северо-восточной части Вытегорского у., Олон. г.²⁾“ и отчета проф. М. А. Колосова: Заметки о языке и народн. поэзии в области северно-великорусского наречия. 2, Олонецкая губерния (117—132 стр.). Главную цель поездки Кольцова в Олонец. губ. был г. Каргополь, затем он посетил побережье р. Моши и местности по дороге на Вытегру и с. Вознесенье на Свири.

Каргополь указан был Колосову Академией Наук, как „пункт богатый остатками народной старины в преданиях и языке, но полумесячные наблюдения убедили профессора, что в языке Каргополя и его уезда не много таких черт, которые можно считать важными остатками старины. „Я не ошибусь даже, сказать, что в некоторых местностях Новгород. губ. язык носит на себе отпечаток большей древности“, читаем в отчете Колосова.

На каргопольско-вытегорской группе говоров вместе с слабым корельским влиянием, отразились следы языка обитавшей здесь некогда „чуди белоглазой“ и „сыроядцев лопарей“. От последних теперь не осталось и воспоминаний, а чудь и до сих пор продолжает жить в некоторых местностях у.у. Вытегорского (Коштуги), Петрозаводского (побережье Онега: Шокша, Рыбья река, Шолтозеро) Лодейнопол у. (Ошта) и по р. Ояти. Влияние чудского языка, не отличающегося нежностью и мягкостью, вопреки утверждениям Як. Гримма, сказалось вместе с заимствованием чудских слов и географических названий (Каргополь=карго+пуоли—медвежья сторона) и в грубости и резкости местного русского населения.

Из *фонетических особенностей* каргопольско-вытегорской группы говоров должно отметить: переходы звуков гласных **а** в **е** после звуков

¹⁾ Живая Старина 1892 г. III, 156—164

²⁾ Там же, 1893 г., в III.

ц, з, н, р, л, т, ч (пещель, грезь); и в е (престыдил, ходели, говорели (с. Вознесенье); я в е (дедя, опеть), е в е (царевна); е в и (стрилить); е в и (рибьята, знает); редкий случай перехода о в у (пуди=пойди, Лекшма, Карг. у.) и древнего ь в е (лошадеми). Колосовым отмечены также придыхательные при гласных (вьюный, Егоргий) и следы древнего смягчения гортанных (лузя), существующие и в пудож. говоре (хизина). Из переходов согласных интересны, кроме „цеканья“, более отчетливого, чем в Новгород. губ., — л в в (пойво, шавить), и в и (конь=коль, сколь), ц в т (витье—вицы). Много случаев смешения согласных (куфарка, кукшин, скрозь), необычного отвердевания и смягчения (нижней, перьвой, шкатулька), выпадения ((п)ташка, о(б)манул, о(т)дай, кос(т)ь) и перестановки их (барте в м. брате—форма обращения, см. Област. словарь Куликовского), свойственных и другим Олонец. говорам.

Постановка ударений более правильная, чем в Заонежье, и близкая к Пудожскому говору; как особенности, можно отметить слова: дрова, с берега, из дверей в двери, сахаром, един единово, заутра. Как след финского влияния, остались единственные случаи переноса ударения на предлог (настоять, до дому, на гору).

Формальные особенности существительных: твор. п. на ми в м. ами (палицми), склонение имен с темой на и по теме на а (в грязе, во рже), удержание й в родит. пад. собирательных на бя (братьей, в Пудож. крае всегда братьев и братовьев); уменьшит. и ласкательные формы на елк (брателко, зятелко). *Прилагательные* особенностей не представляют: в разговорной речи, как и везде в Прионежьи, преобладают усеченные окончания, в песнях же и причитаньях—полные и, в противоположность Заонежью, только по требованию ритма растяженные; окончание ого никогда не переходит в ово. Интересно употребление личной *местоименной формы* 3 лица женского рода: дат. п. ставится вместо винит. п. (схватил ей), а творит. п. в м. родительного (снял с нею шею). Последнюю форму приводит Колосов, отказываясь объяснить ее.

Из *глагольных* особенностей—сокращение окончаний (ты баш, ен бат), перемена в немногих глаголах окончаний прошед. вр. ил на ел (говорел); случаи употребления глаголов сред. залога в возвратной форме (не спешись, соскучилсэ) наблюдаются и в Пудож. говоре, точно также, как и смешение *предлогов* в составных словах (прилика—улика; прожиточный—зажиточный; засказать—рассказать). Оригинальны формы *наречий*: досемесь и досюлесь, образованные по примеру—веснусь.

В говоре каргополов поражает обилие частиц: *ко, то, тно, ть* и особенно характерное *те*. Можно наблюдать нечто похожее на *склонение члена*, только менее полное, чем склонение отмеченное Соболевским в Шадринском говоре Перм. г.; муж. р. ед. ч. им. п. *от*, другие падежи *то*; множ. число имен. п. *те*, прочие *то*; жен. р. ед. ч. им. п. *та*, другие —*то*; множ. число—сходно с муж. родом.

Из особенностей *словообразования* должно отметить употребление слов в первообразной форме (пяла—пяльцы; крепь—крепость, тулово, лягуха, улка), такие формы существительных, как восстанище (восстание), вылюдье—приличная одежда, желанна—жалость, засловье—заступа, ласкота—ласковый человек, похинка—порицанье, узороцье—укор за дурное поведение; изменение темы в глаголах: *е* на ну (виснит—висит) и на *е* (ходели), *а* на *и* (погонилсэ—погнался); образование таких форм, как: заблудявши, ходявши; расширение темы глаголов, оканчивающейся

на гласный звук, слогом *ев* (не продавали, — с. Чурилово, — см. аналогичные примеры у Гильфердинга) и сохранение древних форм существительных (мати), числит. (двума) и глагольных — из'явит накл. (еси, даси — ешь, даешь) и неопредел. накл. на *ци*, но без органического восстановления коренного гортанного звука (сикци — сечь).

Из синтаксических особенностей, кроме общих с пудожским говором, отметим замену действительного оборота страдательным (доученось), постановку при неопред. накл. дополнения жен. рода в именит. падеже вместо винительного (жена замуж взять). Должно отметить замену в роли сказуемого глагола прошед. времени на л. деепричастием (и павши лебедь в камыш — траву) и отличия в управлении глаголов и предлогов: родит. п. вм. винительного при глаголе — показать (покажи своей молодой); вместо вин. дат. падеж при предлоге *по* (по усы текло); предлож. падеж вместо вин. при предлоге *межу* (межу трех верстах они раз'ехались); винит. падеж вместо родительного (возле дорогу).

В речи о говорах мы до сих пор не касались их лексических особенностей, а между тем эти особенности отмечались чаще и обстоятельнее других и дали богатый материал для труда Г. Куликовского „Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении“, изданного Академией Наук в 1898 г. В этом же году собран богатый лексический материал свящ. Пономаревым („Кижское наречие“) и в 1903 г. нами отмечены в „Ол. Губ. Вед.“ слова Пудожского говора, не вошедшие в словарь Куликовского.

О языке Заонежья Барсов¹⁾ как-то сделал замечание, что он поразительно сходен с языком Киевской Летописи, особенно XII века; интересно поэтому проследить, насколько вообще сохранилась старина в живой речи Прионежья и, в частности, в его лексикологии. Для этой цели мы сделали сравнение данных современного языка Прионежья с данными из „Материалов для словаря древне-русского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского (I—VIII вып. А—П) и А. Дювернуа (А—Я). В результате сравнения оказывается, что в живой речи современного населения Прионежья обращается, кроме финских слов, множество речений древнерусских X—XVII в.

Вот важнейшие из архаизмов, с указанием времени и рукописей, в которых они впервые встречаются.

- Анбар — амбар (Акты Юрид. 1544 г.).
- Баять — говорить (Твор. Тригория Назиан., список XIV в.).
- Беремя — охалка (Изборник Святослава 1076 г.).
- Благой — помешанный (Хождение Аф. Никитина 1466—1472 г.).
- Богатина — богач (Апокалипсис. толк. XVI в.).
- Боронити — защищать (Серапиона слово V-е, XIII в.; вся Бог боронит — Олонецкое „борони Пресв. Богородица).
- Босота (Сборн. о бедн., XV в.).
- Бревенник — место рубки бревен (Акты Юрид. 1555 г.).
- Бедовать — страдать (Ипат. лет. 1199 г.).
- Белота (Избор. Святослава 1073 г.).
- Буева от древнерусск. буевище, буй — кладбище, могила (Псков. летоп. 1418 г., 1473 г.).
- Весельство — веселье (сборн. Кирилла Белозер. XV в.).
- Вид — зрение (Богословие Дамаскина до 1200 г.).
- Ввадить — втравить (Летопись Нестора).

¹⁾ „Олонские древности“.

- Волощана—жители волости (Псков. л. 1-я, 1462 г.).
Бракати—врать (Разряд. 1613—1645 г.).
Вороница—ворона (Поуч. Влад. Моном., до 1125 г.).
Всполье и сполье—окраина (Новгород. 2-я летоп., 1493 г.).
Всток—восток (Остромир. Еванг., XI в.).
Всяскояко—всяко (Житие Ниф. XIII в.).
Вѣдом—известие (Псков. 1-я летоп., 1469 г.).
Вѣсто—известно (Кирик. учен. 1136 г. Олон. поговорка; праздник вест, а гость невест).
- Галица—галка (слово о полку Игореве, 1187 г.).
Гни́ла—глина (Ефр. Сир., в сборн. XII в.).
Горноста́ль—горноста́й (Духовн. Салтык. 1483 г.).
Да́ве—недавно (Кирилла Туров. поуч. XIII в.).
Два́жды—дважды (Ефр. Сир. XIII в.).
Двори́ще—дворовое место (Грамота кн. Всеволода, до 1196 г.).
Доли́ка—улика (Псков. судн. грамота).
До́ста́ль—совсем (Соф. времен. 1468 г.).
Друго́яко—иначе (Патерик Син. XI в.).
Да́ивать—многократ. вид глагола от-давать (Сб. Муханова 1449 г.).
Егов—его (Маргарит 1530 г.).
Жердьѣ—мн. ч. от жердь (Псков. л., 1480 г.).
Жара́ток—пепел, Олонец.—Загнета (Иоан. Леств. XIV в.).
Засѣ́к—закром (Хлебн. летоп. 1114 г.).
Зна́тьба—знак, след от ушиба (Новгород. л. 1-я, 1143 г.).
За́спа—житная крупа (Псков. л. 1535 г.).
Зык—звук, крик (Новг. III-я летоп. 1618 г.).
Игрище—забава, Олон.—место танцев молодежи (Избор. Свят.).
Изгребы—охлопки льна (Шестоднев. 1263 г.).
Казак—наемный работник (Грамот. дел. в грам. Кир. м. 1393 г.).
Квет—цвет (Акты от 1499 г.).
Ко́монь—ко́нь (Повесть врем. лет., 965 г., в Прионез. причети: „Добры комони не еждены“).
- Ко́рба—трусоба (Обвод. межевая. запись Муром. м. 1391 г.).
Круту́тися—на войну снаряжаться (Новгор. 1-я л. 1137 г., Олон. вообще одеваться в приличную одежду).
Кули́га—небольшая лесная полянка (Акты юрид. 1641 г.).
Кстины—крестины (Акты юрид. XVII в.).
Ла́вица—скамья, лавка (Слово Дан. Заточ. XII в.).
Ла́лька—не́бо (Шестоднев. 1263 г.).
Ла́мба—лесное глухое озерко (Обвод. межевая. 1391 г.).
Лони́—в прошлом году (Дело судное о нав. Андр. 1493—94 г.).
Лю́бивый—тощий, худой (Библия 1499 г.).
Липни́к—липовый лес (Купчая 1455 г.).
Лице́—щека (Пролог XV в.).
Ложница, Каргоп.,—ложня—спальня (Пандек. Ант. XI в.).
Лѣтось—в минувшее лето (Патер. Син., XI в.).
Ляди́на—поросшая лесом полоса (Псалтирь, 1296 г.).
Маломáжной—несостоятельный (Новг. лет. 1452 г.).
Могильник—кладбище (Псков. 1-я л., 1503 г.).
Мо́крядь—слякоть, сырое место (Новг. купчие XIV—XV в.).
Молиться—просить к.-л. из людей (Грамот. около 1284 г.).
Мо́лзиво—1-е молоко после родов (Вопр. Кир., XII в.).
Мочи́ще—место вымочки льна (Дан. кн. 3 Сузд. 1252 г.).

- Мялица—мялка для льна (Мин. 1096 г., сент. 8).
Накѡн—способ, прием (Новг. 2-я л., 1567 г.).
Наст'лань—постель (Гр. Наз. XIV в.), Олон.—настельник-простыня.
Наймовать—нанимать (Рукоп. Синод. библ., № 993).
Небылѡй—негодный (А. Юрид. 1648 г.).
Недоволен языком—картавый (А. Ю. 1678 г.).
Нужа—нужда (Грам. Святосл. 1137 г.).
Обиждати—обижать (Остромир. Еванг. XI в.).
Обледети—побледнеть (Сказ. об убиен. Мих. Твер.). Олонец. бледѡй—бледный.
Обѡдверье—притолока (Ипат. летоп. 1175 г.).
Оболок—облако (Ипат. летоп. 1252 г.).
Обруснути—остричь (Ап. XIV в.), Прионеж.—собирать ягоды.
Оброт, Олон. ѡброть и ѡбруть—узла (Грам. м. Кипр. 1376 г.).
Обношие (Златоструй, 41) Прион. обночьѡ—ночевка.
Оглезнути—поскользнуться (Сборн. Унд., № 276), Олон.—сглезнуться.
Одинакѡй—единственный (А. Юрид. 1631 г.).
Огнѡва—горячка (Никон. л. 1553 г.).
Огнѡще—костер место очага (Уст. п. 1193 г.).
Огорѡда—изгороди (Отводн. 1473—1489 г.г.).
Огородѡще—следы прежней изгороди (Новг. купч. XIV—XV в.).
Одвѡ—едва (Сбор. 1076 г.).
Одѡнова—однажды (Уст. грам. Кипр. 1391 г.).
Одноконѡчно—непрерывно, вовсе (Никон. л. 1537 г.).
Озям—верхняя муж. одежда (Плат. Бор. Год., 1589 г.) Олон.—плохая одежда.
Окрутитися—одеться (Новгор. 4 я летоп.); Олон. сокрутитися.
Оногдѡ¹⁾—недавно (Пов. врем. л. 1197 г.).
Опечек—основание печи (Новгор. л. 1561 г.).
Опосле—после (Договор. грам. Дм. Ив. 1375 г.).
Опрѡч—кроме (Догов. грам. Вас. Дм. 1389 г.).
Опытати—исследовать (Мат. Злат. XV в.), Олон. Опыток—связка льна, взятая для пробы после моченья
Ораница—взоранная земля (Грам. кн. Изясл. Мст. 1148 г.)
Осподарь—хозяин (Догов. Дм. Ив. 1375 г.); Каргоп: Осподари—батюшки! выражение удивления.
Осталец—оставшийся (Никон. л., 1541 г.); Прионеж. посл.: „Остальцы—землей владеют“.
Остожие—покос мерою в стог сена (Купч. 1453 г.), Прионеж.—основание стога сена.
Острамок—маленький воз сена (Уст. грам. 1537 г.).
Осек—засака в лесу (Раз. езж. 1395 г.)
Осенесь—прошлою осенью (А. Ю. 1602 г.).
Особе—отдельно (Собр. рукоп. Румянцева, № 154).
Охвочий—охотник до чего либо (Новг. л. 1342 г.).
Още—еще (Гр. Наз. XI в.).
Павучина—паутина (Златоструй, сл. 7-е); Олон. Павук—паук.
Падун—водопад, порог (Отводн. Вяжск. м. 1505 г.).
Пакостливый—склонный к злу (Козм. пресв. о ересях).
Памятить—вспоминать (Псков. л. 1563 г.).

¹⁾ По неимению достаточного количества знаков гласных букв с ударениями в дальнейших словах буквы с ударениями заменяются курсивными.

- Памятух—помнящий старину (Пролог. XV в.).
Пансырь—панцырь (Библия 1499 г.); Пудож. поговорка о тяжелой работе: „бьемся без пансыря“.
Паренина—поле первое (Оброч. 1462 г.).
Пелы—мякина (Новгор. 1-я л., 1126 г.); Олонец.—пела.
Перезор—(Новг. I л. 1216 г.), Олон.—что-либо удивительное, позорное.
Переимати—переловить (Новгор. 1-я л., 1292 г.).
Переставитися—умереть (Новг. I л., 1186 г.).
Платити—наложить заплату (Мин.-Чет., февр.).
Плтовище—кнтовище (Опись Кир.-Белозер. м.).
Плутие—плавание по воде (Гр. Наз. XI в.); Прионеж.—плутовье и плутиво—поплавки у рыболовной сети.
Питух—пьяница (Ак. Юрид. 1648 г.).
Победный—несчастный (Соф. врем. 1535 г.).
Повесмо—пучек льну. пасьмо (Жит. Петр. и Февр.).
Погодие—погода (Лавр. л. 1226 г.).
Подзор—узорчатый навесец, подол у кольчуги (Соф. вр. 1528 г.); Олон.—часть головного жен. убора.
Подклет—нижний (нежилой) этаж под горницей (Соф. врем. 1485 г.).
Подсение, Олон.—подсинье чулан под сенями (Купчая Петра Скобельц. 1579 г.).
Податися—поступитися, согласиться (Рукоп. Румян., № 154).
Ухажей—поскотина, выгон (Монаст. дан. около 1400 г.).
Поколыбатися—поколебаться (Триод XII в.).
Покрута—снаряжение (Соф. врем. 1472 г.); Олон.—костюм, приданое.
Покляпый—наклонный (А. Ю. 1540 г.).
Покуль—покуда (Рукоп. 1459 г.).
Понява—исподняя одежда (Пат. Син. XI в.); длинная, не по росту одежда.
Поползень—движение ползком, Олон.—паполза—ползающий ребенок.
Пора—подпора (Жит. Иоан. Злат. XV в.).
Поранитися—рано встать (Сбор. Кир. Белоз. XV в.); Олон.—споранитися.
Пороздний—Свободный от труда (Уст. XII в.); Прионеж.—порозной—пустой, порожний.
Порох—пыль, сор (Сборн. 1076 г.).
Порубень—обрубок (Купч. Кирил. м. 1568 г.); Прионеж.—верхний край саней, изгородь вокруг стога сена.
Порядня—устройство, приведение в порядок (Кипр. м. поучение 1395 г.); Олон.—хозяйничанье в кухне, большина.
Поселие—деревня (Сузд. л. 1216 г.).
Посмех—насмешка (Цер. устав. Ярослава).
Пособ—помощь (Соф. вр. 1516 г.); Олон.—Свадебные подарки невесте от ее родителей и поезжан.
Постать—сторона, часть (Панд. Ант. XIV—XV в.); Прионеж.—часть полосы, назначенной для жатвы.
Постеля—постель (Златоструй до 1200 г.).
Посторонь—со стороны, возле (Новг. л. 1186 г.).
Потакати—потворствовать (Дуб. Сбор. XVI в.).
Почестливый—почетный (Догов. гр. Пол. и Риг. 1478 г.).
Поява—явление (Новг. 3-я л., 1570 г.); Прионеж. появ—появление

- Празга—плата за наем (Прав. гр. гр. Кологр. 1532 г.); Каргон.—
празга и брозга—аренда.
Приарывать—прибавлять пашни (Дуб. Сп. XVI в.)
Приговор—заговор (Посл. Иг. Панф. 1505 г.)
Прчолок—забой в реке (Тамож. гр. Солов. м. 1591 г.)
Прикротити—укротить (Сбор. Пчела Публ. б.)
Прилюбитися—полюбиться (Послание Грозн. Белоз. м. ок. 1578 г.)
Пристряпати—поспешить (Нов. врем. л., 980 г.)
Притча—несчастье, случай (Смол. гр. 1229 г.)
Пришвица—задний вал на ткацком „ставе“ (Библия 1499 г.)
Проглашение—возглашение (Мин. 1096 г., Сент. 27); Олон. про-
гласица—напев.
Продух—отверстие (Пат. Син. XII в.); Заонеж. продуха—попынь.
Прозываться—называться (Гр. Наз. XI в.)
Пролубь—прорубь (Дуб. Сб. XVI в.); Олон. пролуб и пролуба.
Промежка—промежуток (Нов. II-я л. 1516 г.); Прионеж. в промеж-
ках—в промежутках.
Противо—против (Новг. I л., 1149 г.)
Прямина—прямызна (Ио. Экз. Болг.)
Провадити—прогнать, проводить (Псков. л. 1477 г.)
Прясло—звено изгороди (Псков. I л., 1432 г.)
Пугвица—пуговица (Дух. кн. Юл. Волоц. 1503 г.)
Путик—лесная тропа с силками (Купч. кн. Федор. п. 1389 г.)
Портно—одежда, платье (Златоуст. XIV в.)
Первина—первоначальное состояние (Корм. XIII в.)
Пестредь—пестрядина, ткань разноцветная (Плат. Бор. Годун.
1589 г.)
Раменье—пустошь (А. Ю. 1555 г.)
Ригач—овин, гумно (А. Ю. 1568 г.); Олон. ригача.
Робята—ребята (А. Ю. 1686 г.)
Ронить лес—рубить лес (А. Ю. 1663 г.)
Ручьевина—ручей (А. Юрид. 1555 г.)
Рушати—нарушать (Собр. Госуд. грам. 1371 г.); Вытегор. рушать—
резать хлеб.
Самодель—самодельщина (рукоп. из собр. Румянц., № 154).
Сегогодны—этого года (А. Ю. 1525 г.); прионеж.—сегодней.
Селга, олон сельга — совокупность дальних угодий деревни
(А. Юрид. 1505 г.)
Семой—седьмой (А. Ю. 1596 г.)
На сем-свете—в этом мире (Поуч. Влад. Мон., XII в.)
Собча—сообща (Госуд. грам. 1328 г.)
Собе—себе (Псков. л. 1471 г.)
Состроить—построить (А. Ю. 1646 г.)
Стан (Псков. л. 1480 г.); Олон.—лесная избушка; становать—
проживать.
Струб—сруб (А. Ю. 1583 г.)
Сустретить—встретить (Псков. л. 1473 г.)
Сябр. олон. сябра — сообщество, общинная работа, владение
(А. Юрид. 1483 г.)
Тесина—длинная доска выпиленная (А. Ю. 1585 г.)
Товарыш—сообщник (А. Ю. 1612 г.)
Топере—теперь (А. Ю. 1571 г.)
Тулово—туловище (Псков. л. 1605 г.)

Ужина—ужин (А. Ю. 1644 г.).

Ухожей и ухожье—скотский выгон (А. Ю. 1571 г.).

Учути—почуять (Новг. л. 1149 г.).

Хвостатися—париться веником (Летоп. Нестора XI в.).

Хрест—крест (Летоп. Нестора, XI); олон.—хрес, хрестить.

Церез—через (Новг. л. 1127 г.).

Частик—особый вид невода для ловли *малька*—мелкой рыбы (А. Юрид. 1600 г.).

Чищенина и чища—место под луг, вычищенное в лесу (А. Ю. 1598 г.).

Чужатися—пугать (Новг. л. 1194 г.); Олон.—пугаться, чуждаться.

Шибати—бросать (Новг. I л. 1187 г.); отсюда Олон. *шибанка*—крыло.

Ягодник—место богатое ягодами (А. Ю. XIV в.), второе значение в Прионежьи—лицо собирающее ягоды.

Шучина—мясо щуки (А. Ю. 1547 г.).

Ярманка—ярмарка (А. Ю. 1680 г.).

Приведенные примеры архаизмов красноречиво подтверждают мнение Ставровского¹⁾, что из всей Озерной области язык удаленных частей древних новгородских владений сохранился наиболее всего. А по мнению акад. А. Шахматова, умеренно окающий говор Прионежья следует даже считать родоначальником двух господствующих ныне групп говоров—окающей и акающей.

Но в настоящее время, по наблюдениям многих лиц (Пономарев, Филимонов и др.), народный прионежский говор переживает, можно сказать, переходную ступень к общенародному русскому говору. Наблюдается это в крае живой старины по преимуществу, в Заонежье, куда вместе с пароходством уже лет 50 как проникло промышленное движение. Здесь по словам Пономарева, говорят своим местным говором только разве старые старики, старухи и малые дети, которые растут под приглядом бабушки и дедушки, а люди среднего возраста говорят (за исключением неправильных ударений в словах) общенародным говором.

Дольше удержится местный говор в глухих медвежьих углах северной части Пудож., Каргопол. и Повенецкого уездов, куда часто не бывает ни проходу, ни проезду; по близости же Мариинской водной системы (Вытегорский и Лодейнопол. у.у.—побережье р. Свири) местный говор уже значительно нивелировался. То же можно наблюдать и в подгородних селах и местностях, где развиты отхожие промыслы, напр., в Ладве, Петрозавод. у. Впрочем, у ладвинских стекольщиков, кроме русской речи, употребителен еще особый условный тарабарский язык.

Образцы говоров Прионежья.

1. Из автобиографии *заонежской* вопленицы Н. С. Богдановой.

„Кому добро дома, тому добро и в гостях: возьмут миня, бывало, в гости, а я за работницу. И я овины хожу молотить, и за сеном ездить, и на мельницу, и избу мыть, и х коровам ходить и за водой. Не работать—миня бы и в гости не взяли. В славы я была послы отца в хорошей: женихи на миня глаза драли и зуб вострили. Один охотил

¹⁾ Россия, под ред. Семенова, т. III, стр. 110.

замуж взять—отец богатой не дал ему воли: дают, говорит за тебя не в таком доми, не сероту. Так я жила до 23 годов в девушках. Ходила роботать на суда и в монастырь—не для нарядов, а все на хлеб да на подать. Одежи не было, да я не думала того: чито не было на уми, а я все писни пела да шутила, на свадьбах больше—много раз „невесту в байну звала“...

Вышла и я замуж, приехали мы в город. Мни в городи страшно было пристать жить: ничега не умела—не говорить, не гороцкой роботы. Розговор был у миня совсим заонесськой: все „цего“, „чаго“ да „откуль пришел“—камедь толвко! Около миня сестра доростала, а мама все по подворьям ходит и сыновнего кусоцька не видает. Да и мни то!.. Видно, „кому как с люльки, тому так до могилки“. Поплакала я в этом замужесьви. Писни то мни на ум не шли¹⁾...

2. Из Пудожского фольклора (наши записи с 1902 г.):

Не суди Господь на свити
За вдовця замуж ийти:
Удовець замуж возьме—
Старой жонкой попрекне;
Его прежняя жона
Мне векова сотона. (Частушка).

У миня ли молодой вдовы
Призагинула головушка,
Призаржавело сердцеюшко.
На моем то на ретивоем,
На бесцясном на сердцеюшки
Е заносы снежку белого
Погребоцьки ледку ярого.

(Из похоронной причеты).

За столамы за дубовыма
Там не воины с'еждялисе—
Там не вороны слеталисе:
Ежли-б воины с'еждялисе—
Ружья, палици ломалисе;
Ежли-б вороны слеталисе—
Крылья, перья оставалисе.

(Из свадебной причеты).

В Овдокию (1 марта) ежели снек через дорогу ташит, то весна крутая будет и настов не буде и заморозей.

Ежели на Олексиев—день (17 марта) ночь буде ясвинна, а от сивера хоть и оболок небольшошкой буде стоять, то лето буде без дождей, и буде урожай хлебу.

Ежели у щуки конець максы верхней, долгой и уской, то пашню овсянну буде сбивать дождямы, и слота да ряндега (поздний сырой снег) стане падать.

3. В *Вытегзском крае* максу или печень щуки называют *майкой* и замечают, что если головной конець майки толще, то будет хорош урожай ярового.

¹⁾ Наша брошюра „Олонец. фольклор“ II. Похорон причитанья, 10—15 стр., Петрозаводск, 1910 г.

Из *вытегорского* стиха об Онике-воине¹⁾:

— „Не хвастай, Оника-воин:
У мя (говорит смерть) есте шилья вострые,
И подпилю я у тя жилоцьки.
Замохнулсэ Оника саблей вострою—
Во плечи рука застояласэ.
Некуды рука не сгибаласэ
— Ай же ты, Смертка скорая,
Дай мни строку хоть на три годы—
Мни своя душенька наб покаяти.
— Не дам я тиби строку и на три часы.—
Зашаталсэ Оника воин на добром кони,
И упал он на сыру землю:
И бытто век души не было.

Н. Шайжин.

Северная Центральная Вологодская Область.

Под таким заглавием печатаются ниже доклады проф. Д. И. Деларова, Л. И. Андреевского и А. А. Колычева, представляющие собой попытку выделения и характеристики административно-хозяйственных районов Севера, или точнее говоря одного из таких районов, именно, Вологодского.

Как уже сообщалось в первой книге нашего журнала за текущий год, доклады эти были сделаны 19 февраля в общем собрании Волог. Общества изуч. Сев. Края и после обмена мнений собранием принята была резолюция о необходимости в целях экономического и культурного развития области радикального пересмотра существующих губернских границ.

Само собой разумеется, что печатаемые ниже работы, как это явствует и из оговорок авторов, не претендуют дать решение вопроса, являются лишь опытом подхода к рассмотрению сложной и важной проблемы, всегда занимавшей научную мысль России. Как разработка самых принципов районирования, так и выяснение конкретных форм хозяйственного деления Республики должны лучше всего выявиться в процессе широкого обсуждения. Согласование же проектов центральных государственных органов в области районирования с воззрениями местных организаций разного рода, экономических и научных, более всего обеспечит жизненность и правильность новых проектировок. Жизнь, повидимому, сама идет навстречу этой потребности в определении областей, появляется в печати ряд работ, связанных с вопросами деления страны, с одной стороны, центральных органов Республики, с другой—различных местных организаций.

Охотно отводя страницы своего журнала для освещения указанных выше вопросов, Редакция отмечает, что первый из печатаемых докладов касается районирования с точки зрения, главным образом, состояния, развития и перспектив сельского хозяйства, второй—со стороны фабрично-заводской промышленности, третий—затрагивает пре-

¹⁾ Рыбников. „Песни“, изд. 2-е, т. 2-й, 696—697.

имущественно вопросы удобств населения и управления на территории, хозяйственная жизнь которой представляется достаточно однородной. В каждом из этих докладов открываются и некоторые методологические соображения.

1. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач.

Деление России на правильные и целесообразные хозяйственно-административные районы—вопрос не новый. Он поднимался еще до войны и революции. Общественность, земское самоуправление выдвигали вопросы нового, более целесообразного деления России; ибо устарелые административные губернские и уездные единицы не отвечали требованиям и запросам жизни. Для развития хозяйственной жизни страны необходимы были с одной стороны областные объединения земств, с другой—участие всего населения в развитии хозяйственной жизни и в самоуправлении. Отсюда и возникал вопрос о более мелкой, чем уезд, земской единице. Простое правительство боялось развития самоуправления; боялось участия широких масс населения в самоуправлении и потому тормозило и задерживало общественную-земскую работу в этом направлении.

Нет ничего удивительного, что с первых же дней революции, на местах начала проявляться инициатива новых делений на губернии, уезды и волости. Далее, понятно, должна была развиваться мысль о соединении этих единиц в районные областные объединения.

В начале процесс пошел стихийно. Очевидно, он требовал вдумчивого и целесообразного регулирования. Война и особенно революция порвала прежние хозяйственные связи, создала новые хозяйственные условия, новые взаимоотношения, новые нужды. Революция произвела колоссальные разрушения, но и создала небывалые колоссальные потребности и возможности нового творчества. Для изживания разрухи в народном хозяйстве потребуются огромные материальные средства и, главное, сознательное участие всех трудовых сил народа; понадобится его самодеятельность, а это потребует группировки населения в однородные хозяйственные единицы, как мелкие (волостные), так и более крупные (уездные и областные). Необходимо создать и правильно направить не только обще-государственные материальные средства и умственные силы, но и местные. Необходимо создать народное богатство, а для этого нужен общегосударственный план хозяйственной деятельности и, главное, необходимо регулирование этой деятельностью без задержки, без стеснения местной самодеятельности. Всего этого нельзя сделать, не создав новых хозяйственно-административных единиц прежде всего, более крупных, областных. Старые губернские границы не пригодны.

Для примера возьмем хотя-бы проведение в жизнь продовольственного налога вообще и масляного—в частности. Декрет о масляном налоге издан с применением его в границах прежних губерний. С каждой коровы Вологодской, Ярославской и Череповецкой губерний полагается внести 6 фун. топленого масла. В соседних губерниях, этот налог определен в иных размерах; так, в Костромской он равен 4 фун., с коровы, в Рыбинской—5 фун., в Олонецкой—2 фун.

Законодатель полагал, что там, где корова является наиболее продуктивной, с нее легче уплатить и наиболее высокий налог. В районе,

где молочное хозяйство служит главной отраслью, иное отношение между пашней и сенокосом; иное отношение между молодняком и взрослым скотом, т. е. иной состав стада, а потому уплатив повышенный налог маслом, каждый хозяин уплатит меньший налог хлебом, мясом и т. п. Повышая налог на масло в молочном районе, законодатель полагал уравнивать налог—сделать его справедливым,—равномерным и не обременительным.

Но старые губернские границы не дают возможности сделать это, они перепутывают все и урегулировать налоги нельзя, и вот почему. В Вологодской губ. уезды—Каргопольский, Вельский и часть Тотемского, не молочно-хозяйственные; для этих уездов налог в 6 фун. с коровы тяжел. Если бы Каргопольский уезд оставался в Олонецкой губ., то платил бы всего 2 фун. с коровы.

Кадниковский уезд—переходный и для него налог в 2 фунта тоже тяжел. С другой стороны, в Костромской губернии уезды Буйский и Галичский не молочно-хозяйственные, в них развито, если не маслоделие, то сыроварение; переходными уездами равными Кадниковскому, там являются Солигаличский, Костромской и отчасти Чухломский; но со всех этих уездов налог взимается в размере 3 фун. с коровы. Мологский уезд, по новому делению относящийся к Рыбинской губ., должен внести с коровы 5 фун. масла. Однако, Мологский уезд один из молочных; в нем 12,5% посева в 1916 году было занято под клевером, корова здесь наиболее продуктивна; в этих уездах налог мал; здесь будет недобор налога.

Возможность такой неравномерности налога предусмотрел и декрет, а потому он дает право местному Губернскому Продовольственному Комитету изменять налог внутри губернии, с тем, однако, что бы общий сбор масла со всей губернии, не был бы уменьшен, т. е. Губернский Прод. Комитет может сбор налога с одних уездов уменьшить, перенести его на другие уезды. Однако, в Вологодской губернии только 2 уезда молочно-хозяйственных, один переходный и 3 уезда не молочных. Если налог с уездов Каргопольского, Вельского и Тотемского уменьшить, то весь недобор налога по этим уездам придется перенести на коров уездов Вологодского и Грязовецкого; с этих уездов придется взять уже не 6, а 7 и 8 фунтов—тогда как в молочных уездах Костромской губернии налог будет всего в 3 ф. Переложить недобор на Буйский и Галичский уезды и тем выравнять его Вологодский Губ. Продов. Комитет не может. Из приведенного примера видно, что урегулировать налог нет возможности в границах губернии;—для правильного распределения его необходимо объединение в области и районы.

Мы привели пример продовольственного налога для того, что бы показать, что, если в прошлом вопросы экономического районирования России имели не только научный, но и практический интерес, то теперь, при восстановлении хозяйственной жизни страны, при новом построении хозяйственного управления, новая экономическая политика может и должна опираться исключительно на хозяйственное единство и хозяйственные связи той или другой области или района, а потому экономическое районирование должно быть положено и в основу нового административного деления Республики.

Проектов деления России на области и районы в прошлом и особенно настоящем много, но они не удовлетворяют всем назначениям, не обслуживают всех нужд. В частности у нас в центральной Север-

ной Области уже существуют два экономических центра а именно: 1) Северное Центральное Вологодское областное управление по сельскохозяйственному опытному делу, с центром в Вологде. В эту область входят целиком губернии Вологодская, Череповецкая, Северо-Двинская, Архангельская и Буйский, Галичский, Солигаличский и Чухломский уезды Костромской губ.; Любимский, Даниловский, Пошехонский уезды Ярославской, Мологский—Рыбинской губ. и Весьегонский уезд, Тверской губернии.

2) Архангельское Областное Экономическое Собрание (ОБЭКОСО) с центром в Архангельске; в эту область входят губернии: Вологодская, Архангельская и Северодвинская.

Оба эти областные экономические и хозяйственно-научные правительственные учреждения, охватывающие почти одну и ту же территорию, имеющие сходственные задания—изучать, развивать и регулировать экономическую жизнь края, ничем между собой не связаны и даже не знакомы с деятельностью друг друга. Правда, первое из них, Вологодское областное управление по сельскохозяйственному опытному делу, как учреждение народного комиссариата земледелия должно изучать и обслуживать развитие сельского хозяйства, и вопросы управления и регулирования не входят в его прямые задания. Второе—Архангельское экономическое собрание, изучает, управляет и регулирует всю экономическую жизнь области, в том числе и сельскохозяйственную.

Возникают вопросы: правильно ли то, что территории двух существующих областных учреждений не совпадают? почему они не совпадают и почему ничем не связаны?

Мало этого,—в проекте существуют новые деления. Например, проект проф. Александрова, по которому Север России делится только на 3 области: Петроградскую, Архангельскую и Вятскую. По этому проекту центральной Вологодской области нет, она делится между Петроградской, куда отходят Вологодский и Грязовецкий уезды, и Архангельской, куда относятся остальные уезды губернии.

Наконец, есть проект гр. Ларина где кроме 3-х областей намеченных предыдущим проектом, выделяется четвертая, которую мы назовем центральной Вологодской областью.

Мы полагаем, что центральная часть нашего Севера имеет хозяйственное единство. и должна быть выделена в отдельный хозяйственный район. Разорвать ее между соседними районами,—значит нанести ущерб правильному развитию хозяйственной жизни края и особенно правильному развитию молочного хозяйства, этой основной отрасли хозяйства района.

Наметить Вологодский район, дать его характеристику, доказать хозяйственное единство этого района и составляет задачу этой работы. Задача трудная, особенно в виду необходимости уместить все в короткий доклад, но попытаться сделать это нам кажется необходимым.

Будущее строительство нашей хозяйственной жизни должно быть всецело основано на коллективной самодеятельности населения, а для этого однородные хозяйственные районы должны быть объединены и в одну административную единицу.

Мы полагаем, что компетенция новых хозяйственно-административных органов должна быть расширена, особенно в сторону самодеятельности по развитию местного хозяйства, ведению его и удовле-

творению местных нужд на местные средства; им должны быть предоставлены права в области местного самоуправления под общим руководством и общей регулировкой центрального правительства Республики. А при этих условиях учет всего местного народного хозяйства и местного народного дохода необходим; сделать же это можно только при условии объединения однородных хозяйственных районов в одну хозяйственно-административную единицу.

Установить точные границы района нельзя, т. к. к месту схождения разнородных районов все признаки, и особенно экономические, сглаживаются, смягчаются. Можно и должно установить центр района. Здесь все признаки особенно рельефны, их легко установить и центр района легко характеризовать. Поэтому мы постараемся выявить характерные стороны только центра, о границах на окраинах района спорить не будем. Как ядро центральной Вологодской области, нами взято 19-ть уездов, а именно:

1) Вологодской губернии (в новых ее границах) все 6-ть уездов: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Каргопольский, Вельский и Тотемский.

2) Череповецкой губернии 4-ре уезда: Череповецкий, Устюженский, Кирилловский и Белозерский.

3) Ярославской губернии 3 уезда: Мологский, Пошехонский и Любимский. (Сюда может быть причислен и Даниловский уезд, но он близок к Ярославлю, тяготеет туда; однако по хозяйственным признакам, особенно в области животноводства и молочного хозяйства, он безусловно ближе к Вологодской области).

4) Костромской губ. 5-ть уездов: Буйский, Галичский, Солигаличский, Чухломской и Кологривский.

5) И, наконец, часть Никольского уезда, Северодвинской губ. Юго-восточная часть этого уезда не только тяготеет к Вятке, но и по складу своего хозяйства ближе к той области. Север уезда и по условиям хозяйства и по экономическим связям ближе к Северодвинской губ. Мы ввели этот уезд целиком в наши статистические вычисления и таблицы, но поуездные цифры ярко выделяют этот уезд от Вологодской области; если бы мы взяли часть уезда, в волостных границах, то этой резкости не было бы. Все это только убеждает, что граница Вологодской области проходит где-то внутри Никольского уезда.

Включая весь уезд, мы увеличиваем несколько площадь области и ее население, но при установлении более точных границ к Вологодской губ. могут отойти волости других соседних уездов, напр. 4 волости Пудожского и 4 волости Вытегорского уезда, т. к. эти волости тяготеют к Каргополю. Все эти варианты, в конце концов, не имеют значения, т. к. провести точную границу только по тем признакам, которые мы кладем в основу нашего доклада, нельзя.

Взятая нами область делится на 4-ре района. Они разнохарактерны в деталях, но в будущем, развиваясь и интенсифицируя свое сельское хозяйство, они неминуемо будут сближаться, при чем районы более отсталые, в своем развитии непременно пройдут те же стадии, что и районы наиболее населенные, с наиболее интенсивным сельским хозяйством. Все 4 района имеют одинаковый климат, принадлежат в большей своей части к бассейну Белого моря и рек, в него впадающих, или лежат на водоразделе Волги и Северной Двины. Все они имеют одну сельско-хозяйственную основу, здесь необходимо развить интенсивное полевое хозяйство, с посевом трав и корнеплодов в по-

лях; необходимо поставить рационально разведение крупного рогатого скота, для того чтобы по возможности все продукты полеводства переработать на скотном дворе в молоко, масло, сыр или, наконец, мясо.

Почвы всех 4-х районов в большей или меньшей степени оподзолены, а потому требуют навозного удобрения и травосеяния. Только это изменит структуру почв и подготовит их к возможности применять минеральные удобрения. Это свойство почв создает особо тесную связь полеводства и скотоводства в области, заставляет во всем районе вести одну и ту же систему хозяйства

Климат области дает возможность получать устойчивые верные урожаи полевых культур, в то время как урожаи естественных, не культурных сенокосных угодий—очень неустойчивы. Вся область не знает неурожая хлебов, но часто страдает от неурожая сена. Безкормица—главный бич скотоводства края.

Урожаи хлебов не только устойчивы, но могут быть, при интенсификации хозяйства, доведены до высокого уровня. Так например в хозяйстве Вологодского Молочно-хозяйственного института средний урожай ржи равен 120—150 пуд. с десятины, а ячмень в 1921 году дал с десятины 256 пуд.

Все сказанное дает нам право настаивать на том, что в основу выделения центральной Вологодской северной области, должны быть положены признаки эволюционного развития сельского хозяйства. Наша область—прежде всего сельско-хозяйственная область и только развитие сельского хозяйства в ней дает возможность развить всю жизнь Севера—извлечь из него все естественные богатства и использовать силы Севера. Развитие производительных сил нашей области даст возможность развиться жизни и в соседних областях, особенно-громадному Архангельскому краю.

Переходя к более детальной характеристике данной области мы должны сказать следующее:

1) Территорию, пространство и население губернии мы берем по данным книги: „Сельско-хозяйственные районы Европейской России“ проф. А. И. Скворцова. Эти данные мы кладем в основу потому, что только они пока являются однообразной сводкой пространства и распределения по угодьям, площади Европ. России в поуездном масштабе. Все позднейшие переписи не сведены и не опубликованы по всей России.

Для определения посевов, пашни и сельско-хозяйственного населения нами использована сел.хоз. перепись 1916 года, т. к. она, во первых, происходила в старых границах губерний и уездов, т. е. вполне сравнима с данными Скворцова, и, во вторых, эти данные также опубликованы в поуездной сводке по всей России.

Данные переписей 1917, 1919 и 1920 года мы имеем по губерниям: Вологодской, Костромской и Череповецкой, но нет данных за 1920 г. по Ярославской, Олонецкой и Северодвинской губ. Кроме того эти переписи велись уже в пределах новых границ губерний, уездов и волостей, а потому с данными 1887, 1897 и 1916 года они не вполне сравнимы, что и мешает нам положить их в основу описания статистики хозяйственной жизни края. Данные переписи 1920 года мы используем, но только для выяснения динамики хозяйственных явлений.

Если совпадает прошлая статика хозяйственной жизни и одинаковы тенденции уклонов и изменений, происшедших под влиянием

войны и революции, то мы можем говорить о единстве хозяйства, о единстве связей.

Пространство взятых нами 19-ти уездов равно 202,195,4 квадр. верстам. Наименьший по площади уезд Любимский, Ярослав губ., имеет 2734,3 кв. версты; наибольшую площадь в 32401,3 кв. версты занимает Никольский уезд, Северодвинской губернии.

По угодьям площадь 19 уездов распределяется следующим образом:

	Всего десятин.	% ко всей площади.
Под лесом	13.292.416	63,7
Под лугами	3.195.812	15,3
Под пашней	1.692.337	8,1
Неудобной	26.804.420	12,9

Преобладающим угодьем взятой нами области является лес и луг, на третьем месте стоит пашня; эту область мы могли бы назвать лесной и сеной, однако, как мы увидим ниже, пашня хотя по площади и мала, но роль ее в доходе области очень значительна. Если мы сравним взятое нами пространство с соседними, то увидим, что пашня, по направлению к западу, к Петрограду, теряет свое значение, особенно если исключить подстоличный район, в котором угодья распределены так: пашни 5,3, леса 61,6% и луга 18,9%. Этот район более луговой. Петроград, как сеной рынок, оказывает свое влияние, сбыт сена в этом районе играет роль. По направлению на юго-восток к центрально-промышленному району и на восток к Вятской губ. распаханность значительно увеличивается: здесь пашни уже 33—37 и даже 49%. Леса в среднем—35—40% и луга 10—20%.

На север к Архангельской губ. культурные земли—пашня (1,3%) и луг (3,7%) теряют значение: здесь мы вступаем в область леса и тундры.

Кроме того в Вологодской области лесная площадь из года в год уменьшается, лес вытесняется человеком,—и это главная особенность ее. Русский Север завоевал, обработал и оживил русский крестьянин. С самого начала русской истории он ведет, упорную борьбу с северной природой, с лесом. Были времена, когда он побеждал ее. Так например записи в писцовых книгах XVI века по Белозерскому уезду дают колебание лесистости от 2 до 32,7% *). По данным 1887 года, лесом занято уже 69,5%, а по данным адрес-календаря по Череповецкой губ. на 1921 год по Белозерскому уезду под лесом числится 86% всей площади (стр. 8-я).

Из этого мы видим что на границе взятых нами уездов, по направлению к Петрограду, сельское хозяйство развивается слабо: там лес вытесняет земледельца. Не то в центре нашей области: здесь борьба идет успешнее, здесь лес отступает пред человеком. В Вологодском уезде, по данным 1887 года, под лесом было 41,3%, а уже в 1917 г. под лесом и кустарником оставалось всего 36,7%. В более южных уездах области—Грязовецком, Любимском—леса еще меньше.

По распределению угодий мы можем взятое нами пространство разделить на 4-ре района.

*) Н. Рожков, Сельское Хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 25-я

I-й район юго-западный, в который входят 8 уездов, имеет следующее процентное отношение угодий.

У Е З Д Ы.	Под лесом.	Под пашней.	Под лугом.	Неудобной.
	В п р о ц е н т а х.			
1. Вологодский . . .	41,3	19,6	33,7	5,4
2. Грязовецкий . . .	48,9	15,7	31,6	3,8
3. Череповецкий . . .	54,8	11,5	24,7	9,0
4. Мологский	43,8	19,6	21,7	10,9
5. Пошехонский . . .	43,7	20,2	27,4	8,7
6. Любимский	45,5	22,1	25,7	6,7
7. Буйский	49,6	23,4	22,1	4,9
8. Галичский	39,0	26,5	22,4	12,1
Итого по району	46,4	18,7	27,2	7,7

Этот район наиболее богатый пашней и лугами; леса здесь осталось меньше 50% площади. В этом районе уже необходимо планомерное, культурное использование лесов. Есть места, где сельское население уже нуждается в отоплении, крестьяне ездят за дровами на 20—30 верст, где чувствуется недостаток леса. Пашня и сенокос здесь преобладают, а если принять во внимание, что оставшаяся площадь лесов в большей части используется, как выгон для скота, то мы увидим, что сельское хозяйство уже завоевало себе первое место в этом районе. Лес побежден и нуждается в охране и культуре.

Во II районе, северо-западном, угодья распределяются так:

У Е З Д Ы.	Под лесом.	Под пашней.	Под сенокосом.	Неудобной.
	В п р о ц е н т а х.			
1. Устюженский . . .	56,9	6,4	8,2	28,5
2. Кадниковский . . .	65,7	6,5	18,7	9,1
3. Кирилловский . . .	65,5	6,4	9,2	18,9
4. Белозерский	69,5	5,1	3,2	22,2
Итого по району	64,7	6,1	10,4	19,0

В этом районе пашни и луга меньше, население здесь занято больше промыслами, сельское хозяйство и в частности молочное хозяйство здесь развивается туго. Населен этот район слабее, лесистость и большие пространства неудобной земли мешают развитию сельского хозяйства. В этом районе лес теснит человека.

III-й район, северо-восточный, еще более лесистый. Здесь сельское хозяйство носит чисто натурально-потребительский характер, но в потенции возможности большие. С проведением железных дорог, с улучшением грунтовых дорог,—сельско-хоз. жизнь разовьется. Да и в настоящее время доход от сельского хозяйства занимает почтенное место, как то мы увидим ниже, и не только в южном, Никольском, но и в самом северном, Каргопольском уезде. В этот район входит 4 уезда, самые большие по площади. По площади он равен 93.315,8 кв. верст, т. е. занимает 46,1% всей взятой нами области. Угодья в нем распределены следующим образом:

У Е З Д Ы.	Под лесом	Под пашней.	Под сенокосом	Неудобной.
	В п р о ц е н т а х			
1. Каргопольский . .	50,6	3,2	9,9	36,3
2. Вельский	77,1	3,8	9,2	9,9
3. Тотемский	81,7	8,5	7,4	2,4
4. Никольский	65,0	3,4	24,8	6,8
Итого по району	68,2	4,5	14,4	12,9

Район беден лугами, за исключением Никольского уезда, и пашней. Но малая площадь пашни не означает еще отсутствия значения в нем сельского хозяйства. Все уезды этого района в годину войны и особенно революции, были житницей Севера, они дали возможность пропитаться не только Вологодской губ., но и соседним губ. (Костромской). Не мало вывезено отсюда хлеба мешечниками в Москву и Петроград. Отсутствие путей сообщения и малая населенность края мешают его оживлению—это будущий колонизационный фонд республики.

Наконец, IV район, юго-восточный, самый лесистый, расположенный на водоразделе бассейна Волги и Северной Двины. В нем 3 уезда и угодья распределяются так.

У Е З Д Ы.	Леса.	Пашни	Сенокоса.	Неудобной.
	В п р о ц е н т а х.			
1. Солигаличский . .	65,6	14,8	13,0	6,6
2. Чухломский	61,7	17,3	13,9	7,1
19. Кологривский . .	77,3	8,5	8,8	5,4
Итого по району	71,9	11,5	10,6	6,0

Это—самый лесной район, но богат пашней; мало сенокосов, т. к. лежит на водоразделе; беден скотом и потому имеет мало навоза и слабо развивает молочное хозяйство. Население занято лесным промыслом; сельское хозяйство вообще, а молочное в частности, все же дают не только натуральный, но и денежный доход. Мы умышленно остановились дольше на вопросе распределения угодий. Нашему очерку не предшествует очерка природы края. Нет почвенных и климатических районов. В этом отношении наш Север почти совершенно не изучен, а потому мы полагаем, что деление на районы по процентному распределению угодий дает некоторое понятие о природе края. Север мало населен, его хозяйственная жизнь еще не победила природных условий, еще подчинена им.

Мы здесь не останавливаемся на динамике распределения угодий, т. к. этому мешает краткость доклада. В будущей более подробной работе мы остановимся на этом, настоящая же работа является только схемой.

Население области. На вопросе о населении области мы остановимся несколько больше и подробнее, т. к. по нашему глубокому убеждению проблема населения самая важная. От решения ее зависит будущее нашей Республики вообще и в частности нашего Севера.

Не смотря на громадные пространства, не смотря на общую слабость населенности нашего Севера, аграрный вопрос, его решение и для севера труден.

Культурные обрабатываемые земли во всей России и на нашем Севере перенаселены; как это ни странно, как ни парадоксально, но все же мы можем сказать, что *„нет в мире страны (кроме Китая и Японии, о которых мы не имеем статистических данных), более перенаселенной в отношении обрабатываемых земель, чем Россия.* Вот цифры, объясняющие нашу мысль и рисующие положение до войны.

СТРАНЫ.	На 100 десятин обрабатываемой земли приходится сельского населения.	Средний урожай в пудах главных хлебов с 1-й десятины.	Собрано пудов зерна на человека.
1. Европейская Россия	136	46	33,82
2. Австро-Венгрия .	126	80	63,49
3. Германия	107	108	100,93
4. Франция	84	85	101,19
5. Англия	79	126	159,62

По плотности сельского населения на 100 десят. обработанной земли Россия занимает первое место, а по продуктивности труда земледельца,—последнее.

Мы сделали здесь отступление от узкой темы районирования для того, чтобы дать мерку, с которой надо будет подходить ко всем дальнейшим вопросам, возникающим при организации сельского хозяйства нашей Республики.

Для Севера вопрос менее остр, чем для всей России, только потому, что мы имеем земельный фонд для расселения избытка населения под рукой, на месте.

На пространстве взятой нами области (19 уездов) в 1897 году жило всего 2.186.588 человек обоого пола, из них сельских жителей было 2.127.058 душ, т. е. на 1 квад. версту приходилось 10,8 человек всего населения и 10,5 сельского. Городского населения было всего 43%.

Из приведенных цифр видно, что городское население в области не играет роли, его мало. Города играли роль только административных центров и потому в дальнейших наших вычислениях мы будем брать цифры только сельского населения.

По переписи 1920 года мы имеем в области всего 2.720.503 души, из них 2.571.721 душ сельского населения т. е. все население за 23 года увеличилось на 533.915 человек или на 24,4%. Прирост сельского населения за те же 23 года равен 444.663 человекам или 20,9%.

Городское население области возрастает несколько быстрее чем сельское, но все же не на столько сильно, чтобы мы могли говорить о развивающейся городской промышленной и торговой жизни. Города за этот промежуток времени не приобрели значения в области и процент городского населения увеличился слабо. Так, в 1897 году оно равнялось 4,3%, а в 1920—5,5%, т. е. прирост выразился в 1,2% за 23 года, или 0.052% в год.

Рост населения и особенно городского в соседних областях идет более быстро. Медленный рост всего населения и особенно городского — характерная черта взятой нами области.

Северная центральная (Вологодская) область была и остается прежде всего сельской областью. Хозяйственная деятельность местного населения попрежнему сосредоточена прежде всего на земле. Лес, луга, пашня по прежнему дают хлеб и заработок местному населению. Сельское население области приростает в год меньше, чем на 1%—это показатель роста производительных сил Севера, на богатства которого так много надежд, роль которого в будущем развитии народного хозяйства и богатства республики очень велика.

Если мы возьмем обрабатываемую площадь Севера—пашню, то увидим, что в 1897-м году на 100 десятин пашни приходилось 126-ть душ обоого пола, т. е. плотность населения пашни равна Австро-Венгерской плотности. Сравним хотя бы мысленно условия жизни Австро-Венгрии и глухого Вологодского края, с его бездорожьем, болотами и лесами, и нам станет ясна и понятна бедность нашего населения, станут понятными причины малой продуктивности труда трудового населения Севера, и с тем вместе станет понятным, что для оживления жизни края культурный городской центр—Вологда—необходим.

Если мы возьмем цифры населения по 4-м намеченным нами районам, то увидим следующую картину.

РАЙОНЫ.	1897-й год.			1916-й год.			1920-й год.			Прирост в процентах сельского населения в ‰ к населен. 1897 г.		
	Сельского населения.		‰ городского населения.	Сельского населения.		‰ городского населения.	Сельского населения.		‰ городского населения.	1916 г.	1920 г.	В 1897 г. на 100 десят. пашни было сел. насел.
	Душ обоего пола.	Плотность на 1 кв. вер.		Душ обоего пола.	Плотность на 1 кв. вер.		Душ обоего пола.	Плотность на 1 кв. вер.				
1. Юго-Западный.	867897	22,4	6,4	881629	22,7	—	1094369	25,4	8,5	1,6	26,1	122
2. Северо-Запад.	486834	9,4	3,4	504565	9,8	—	562164	11,3	3,2	3,6	15,5	153
3. Северо-Восточ.	556078	6,0	2,1	607147	6,5	—	648487	6,0	2,4	9,2	16,6	124
4. Юго-Восточн.	216249	11,7	3,6	241674	13,1	—	266701	14,5	4,2	11,8	23,3	101

Приведенная таблица указывает прежде всего на неравномерное распределение населения и на неравномерный рост его по районам. Два северных района, II и III, населены более слабо по отношению к общей площади т. к. имеют к 1920 году II-й 11,8 человека и III-й всего 6,0 чел. на 1 квад. версту и прирост населения в них слабее — 15,5‰ по II-му району и 16,6‰ по III-му, тогда как в южных районах прирост равен 26,1 и 23,3‰.

Но если мы возьмем густоту населения не к общей площади районов, а к обрабатываемой ее части, к пашне, то увидим, что в этих, сравнительно слабее населенных, районах, пашня наиболее перенаселена. Особенно сгущено сельское население по отношению к пашне во II-м северо-западном районе, в который вошли уезды: Белозерский, Устюженский, Кирилловский и Кадниковский; здесь на 100 десятин пашни приходится 153 человека сельского населения.

Если мы вспомним распределение угодий в этом районе, то увидим, что здесь очень много неудобных земель, здесь лесная площадь не только с годами не уменьшается, но даже увеличивается—человек в этом районе отступает пред лесом и болотами; удержать пашню за собой человеку трудно. Здесь почва хуже, и труд на земле окупается хуже. Расчистить новые земли из-под леса труднее.

В этом районе малоземелье острее, прогресс сельского хозяйства идет труднее, несмотря на то, что эти уезды ближе к Петрограду, т. е. к портовому городу, к крупному потребителю рынка. В этом районе, особенно в уездах Устюженском, Белозерском и Кирилловском, молочное хозяйство и маслоделие развиваются слабо и кооперация прививается плохо. Причина ясна: в этом районе человеку трудно отнять у природы и пашню и луг, в этом ему нужно помочь, а путь один,—мелиорация, т. е. осушка заболоченных пространств, раскорчевки и превращение в пашню лучших по почве лесных пространств. В таких районах необходимы почвенные и другие обследования. Необходимы районные опытные поля. Необходимо вспомнить, что в XVI веке лесистость Белозерского уезда, расположенного именно

в этом районе, колебалась от 2 до 32% всей площади—сельское хозяйство и скотоводство развивалось. Почему оно заглохло и районы заросли лесом? нужно исследовать; нужно найти ответ на поставленный нами вопрос.

I-й юго-западный район области является наиболее густо населенным,—интенсифицированным по отношению к остальным районам. Это центральный маслодельный район Севера. Процент городского населения в нем выше (8,5) и это нужно отнести к гор. Вологде. Города наиболее сильно развиваются только в I и III районе. В IV городское население не увеличилось, а во II—процент городских жителей понизился.

Необходимо остановиться на приросте сельского населения в 1916-м году по отношению к 1897 г. За 19 лет прирост ненормально мал. По I району он ровен всего 1,6%, в остальных он постепенно повышается, но все-же в общем намного ниже нормального. К 1920-му т. е. за последние четыре года, он ненормально сильно повышается. Очевидно что в промежуток между 1897 и 1920 годам были причины нарушившие правильное течение прироста населения, и эта причина нам ясна—это война 1914—1920 года.

Переписью 1916-го года не регистрировались призванные на войну—ее задача была учесть посев и наличную рабочую силу деревни, обрабатывающую и убирающую посев.

К 1920-му году войска были демобилизованы, красная армия значительно сокращена, население вернулось домой. Кроме того, демографическая перепись 1920-го года регистрировала и отсутствующих членов семьи, т. е. и находящихся в красной армии—словом, учет населения был полнее. В переписи 1916 года может быть были пропуски, но не они повлияли на уменьшение прироста населения к этому году—эту ненормальность мы относим на счет войны. Приведенные цифры характерны, они дают жуткую картину, во что обошлась война России и нашему Северу. Призыв на войну поглотил почти весь прирост населения за 19—20 лет. Какое огромное количество лучших трудовых сил народа потребовала от нас война! На слабо населенном Севере эти производительные силы нужнее, чем где либо, и они были оторваны от труда на целых 7 лет, а какое количество из них превращено в инвалидов, не годных к труду?

Таковы производительные силы нашего края: пространство—земля и население. Из приведенного выше очевидно, что центром области является г. Вологда и район ее окружающий, что здесь, в этом районе, развивается жизнь, к этому центру тяготеет округа. Влияние культурного городского центра несомненно; для оживления жизни и деятельности населения эти центры нужны. Пусть туго развивается значение Вологды, как центра, но что будет, если уничтожить этот, правда, медленно развивающийся центр? Делу оживления края, развитию его хозяйственной деятельности это не поможет, а затормозит ее. Жизнь возьмет свое—центр области не заглохнет, рано или поздно он будет признан, т. к. этого потребует хозяйственная жизнь края.

Строй и организация сельского хозяйства.

Из предыдущих очерков мы видим, что взятая нами область может быть названа сельской. Лес, луга и пашня дают населению и хлеб и заработок, сказали мы выше. Однако, какое из этих угодий занимает первое место в хозяйственной деятельности местного населения?

Ниже мы увидим, что сельское хозяйство—основная отрасль, что взятая нами область не только сельская, но и сельскохозяйственная.

Пашня, луг и скот не только кормят население, но удовлетворяют другие его потребности, и дают денежный доход.

Сельское хозяйство области—не только натуральное, но и рыночное. Оно связывает местное крестьянское хозяйство с народным хозяйством всей страны и придает ей характерные черты.

Для доказательства сказанного возьмем денежные и доход бюджета крестьянских хозяйств Севера и посмотрим, какая отрасль хозяйства является основной и какая является наиболее рыночной, связывающей отдельные хозяйства с народным хозяйством республики.

Приводимая ниже таблица доходного бюджета взята на одну душу, а не на хозяйство.

Доход крестьянского хозяйства зависит от потребности семьи, т. е. от ее величины. Величина семьи различна по уездам и потому мы получили бы несравнимые величины. Беря доход на одну душу, мы избежем этого.

Наименование местности, где находится хозяйство.	Денежного дохода на 1 душу обоего пола руб.					0/0 отношение ко всему денежному доходу	Из дох. от с.-хоз. получен. в 0/0 0/0.				
	Всего денежн. дохода рублей.	В том числе.					Промысла.	Разных.	От сельск. хозяйств.	От скота.	От земли.
		От промысла.	Разных случайных.	От сел. хозяйств.							
		От земли.	От скота.								
1. Финское	79,3	—	7,3	—	71,8	—	9,3	90,3	100	—	
2. Олонецкое	54,27	42,71	6,60	1,99	2,97	78,7	12,13	9,13	60,0	40,0	
3. Вологодский I район	42,20	18,04	5,23	5,91	13,22	42,73	12,32	44,86	68,78	31,22	
4. Кадниковский II район	37,34	20,13	3,28	4,14	9,83	53,96	8,64	37,40	70,38	29,64	
5. Тотемский III район	20,33	11,35	0,53	4,00	4,45	55,75	2,73	41,71	52,66	47,34	
6. Вельский III район	20,00	13,97	1,50	1,83	2,68	69,83	7,30	22,63	59,13	40,83	
7. Череповецкий средний на губ. в новых границах, 1 и 2-й районы	36,22	24,32	2,76	3,32	5,81	67,2	7,60	25,2	63,6	36,4	
8. Никольский у. по III-му району	29,6	12,9	1,3	8,4	7,0	43,3	4,4	52,1	45,3	54,3	

Первым в нашей таблице стоит Финское хозяйство. Оно выходит не только из пределов нашей области, но даже и из пределов

Республики. Мы приводим его, как мерку, как тип будущей правильной организации хозяйства Севера. Просматривая все бюджеты Севера, начиная с Финляндии, мы хотим дать, так сказать, экономический разрез по линии с запада на восток.

Историю развития хозяйственных форм можно проследить не только по времени, но и пространственно. Развитие хозяйственных форм идет с востока на запад, восточнее располагаются формы менее интенсивные, менее развитые, западные формы более развитые. Следя и изучая хозяйственные формы и системы, мы отчасти можем предугадать будущие формы хозяйств данной местности. Кроме того, этот экономический разрез поможет нам наметить и границы областей и районов.

Из таблицы мы видим, что финское хозяйство весь свой денежный доход получает только от скота. В бюджете финского хозяйства нет дохода от промыслов, т. е. Финн организовал свое хозяйство так, что оно удовлетворяет все его потребности, и поглощает все рабочие силы семьи (взято хозяйство среднее, без найма постоянных рабочих*). У Финна нет денежного дохода от земледелия, но это не означает того, что он не ведет полевого хозяйства. Он его ведет, оно составляет основную отрасль сельского хозяйства, — но продуктов полеводства он не продает. Все излишки, остающиеся за покрытием потребностей семьи, он перерабатывает на скотном дворе в продукты скотоводства. Это дает ему возможность рациональнее поставить свое хозяйство. Если бы мы провели полный бюджет хозяйств, то увидели бы подтверждение сказанного.

Далее идя на восток, мы встречаем олонеккое хозяйство. Линия экономического разреза делает сильный уклон. Мы наблюдаем хозяйство, где сельское хозяйство дает всего $9,15\%$ денежного дохода, при чем доход этот чисто случайный, подсобный. Сельское хозяйство олонеккого крестьянина чисто натуральное, — денежный доход его составляет преимущественно промысловым заработком. Тип хозяйства близок к большинству хозяйств Петроградского района. Мы не имеем ни места, ни времени, но если бы мы привели бюджеты уездов Лодейнопольского, Тихвинского, Новгородского, то увидели бы ту же картину; сельское хозяйство обслуживает потребительские нужды семьи, не использованный труд семьи продается; — основной денежный доход поступает от промысла.

Даже уезды Белозерский, Устюженский, Кирилловский и Череповецкий по своему сводному среднему бюджету, составляют денежный доход преимущественно от промысла ($67,2\%$). Но если взять отдельно бюджеты переименованных уездов, то мы увидели бы постепенное понижение линии дохода от промысла, в уезде Череповецком оно подходит к половине, с тем, что бы в Вологодском бюджете опуститься уже до $42,75\%$. Линия дохода от сельского хозяйства идет в противоположном направлении, постепенно поднимаясь. Это колебание линий и дает нам возможность наметить границу области на переломе этих двух линий и потому Тихвинский уезд мы относим к Петроградской области.

*) Материалы по статистико-экономическому описанию Олонеккого Края. Издание Олонеккого Губернского Земства, 1910-й год.

Доход от продажи молока, телятины и других продуктов молочного хозяйства и скотоводства имеется и за пределами нашей границы области, т. е. в бюджете хозяйств Тихвинского, Новгородского и других уездов Петроградской области. Доход этот может быть и не меньше дохода уездов, входящих в Вологодскую область, но основа его получения иная. В Петроградской области, как равно и в подмосковном районе, отграничивающем нашу область с юга, доход от скота, от молочного хозяйства, составляется преимущественно от продажи молока в свежем виде и молочных продуктов в виде сметаны, творога. Молоко, не использованное рынком в свежем виде, идет на выпойку телятины и ее сбыт.

В районе петроградской и подмосковной областей маслодельных заводов и артелей нет—это также служит границей нашей области. В уездах Устюженском, Белозерском и Кирилловском маслоделие и маслодельные артели уже есть.

Этот даже схематичный анализ, только доходного денежного бюджета, дает нам возможность установить границы нашей области и охарактеризовать ее по бюджету Вологодского уезда областью северного маслоделия. Вся жизнь этой области, все отрасли хозяйства ее связаны с маслоделием. Возьмите торговлю, промыслы—и везде вы увидите связь с маслоделием.

Идя далее на северо-восток чрез уезды Кадниковский, Тотемский и Вельский, мы будем наблюдать изменения линии нашего экономического разреза. Линия дохода от сельского хозяйства падает и изменяет свое направление. Несколько понижается доход от скотоводства, но все-же он остается основным. Исчезают маслодельные артели, а с ними исчезает сбыт сливочного масла, но удерживается сбыт топленого русского масла. Это предвестник того, что с улучшением сенокосных угодий и здесь неминуемо разовьется маслоделие. Сбыт молока в виде топленого масла менее выгоден, чем сливочного масла. Далее на север чрез уезды Шенкурский и Холмогорский мы попадаем в другую Архангельскую область.

Здесь доход иной, опять получают превалирующее значение *промыслы*. Но их природа уже другая. Они связаны всецело с лесом, с лесным промыслом и, главное, с Белым морем и с морским промыслом. Лес и море—вот источник дохода хозяйств Архангельской области. Все связано с Белым морем и с Архангельском, как центром области.

Уже в бюджете Вельского—Каргопольского хозяйства мы чувствуем эту связь. Линия промыслового дохода начинает подыматься в этом уезде, она связана с промыслами смолокурения, гонки скипидара, сплава леса. Эти продукты и лес, а отчасти и излишки хлеба и мяса, идут в Архангельск. Из Холмогорского уезда шел сбыт дойных коров на молочные фермы Москвы и Петрограда. Здесь опять линии разреза, тяготений сталкиваются, перекрещиваются и здесь мы должны искать границы между Вологодской центральной и северной Архангельской областями.

Если из Вологды мы пойдем на юго-восток чрез уезды Грязовецкий, Любимский и Буйский и дойдем до Никольского уезда, то и здесь найдем границу Вологодской и Вятской области.

Линии экономического разреза опять изменяются; идя сперва по маслодельному району, мы вначале попадем в сыроваренный Буйский район, а далее линии сбыта молока будут понижаться. Линия промы-

слового дохода будет повышаться по Костромской губернии, но потом к Никольскому уезду промысловый доход резко падает (43,5%). Здесь он доходит до самой низкой нормы. Здесь сельское хозяйство главная отрасль и не только натуральная, но и рыночная. Вместе с промысловым доходом падает и доход от скота (45,5%), но за то поднимается линия дохода от земледелия. И в Никольском бюджете мы наблюдаем самый высокий (54,5%) процент дохода от земли. Линии опять скрещиваются и мы можем в этом месте искать границу с Вятской областью. Там уже продажа хлеба—главная основная статья дохода,—за этой линией мы попадаем в область трехпольного навозно-парового зернового хозяйства.

В центральной Вологодской молочно-хозяйственной области есть еще другая важная с народохозяйственной точки зрения отрасль сельского хозяйства,—это льноводство. Все молочно-хозяйственные уезды—в то же время и льноводственные. Эта культура находится в антагонизме с молочным хозяйством, т. к. при существующей системе хозяйства лен сеют в яровом клину; лен отнимает место у овса, т. е. уменьшает запас грубого корма. Лен дает немного колоколины после обмолота семян и немного жмыха. Но на Севере лен сеется на волокно, а потому дает мало зерна, следовательно и жмыха.

Этот антагонизм может исчезнуть с введением в полевое хозяйство посева клевера и корнеплодов. Клеверище лучшее место в севообороте для льна. Лен по клеверищу дает лучший урожай и лучшее волокно—а посев клевера улучшит кормовой вопрос и даст возможность содержать больше коров. Но проведение в жизнь этого единого плана требует объединения всех этих хозяйственно-экономических интересов в один хозяйственный район.

Для более полной характеристики значения молочного хозяйства в выделяемой нами области может служить ниже помещаемая таблица, характеризующая состав стада крупного рогатого скота, т. е. процентное соотношение в стаде, коров и не дойного скота. Резких отклонений от среднего для всей области состава стада мы не наблюдаем, а это показывает уже известную устойчивость хозяйственного типа и известное сродство хозяйственной системы. Но зато соотношение между выращиванием жеребят и телят дает возможность установить характеристику районов. В этом отношении очень характерна графа пятая нижепомещаемой таблицы, показывающая, сколько жеребят приходится на 100 телят. Чем большую роль играет зерновое хозяйство, тем меньше телят приходится на 100 жеребят. И это понятно: в зерновых районах лошадь—главная рабочая сила, главная опора, в хозяйстве ей первое место. Она лучше кормится, матки предпочитают мерину, жеребят больше и они выращиваются для ремонта рабочих лошадей и на продажу. Пример район III: 812 телят на 100 жеребят.

В тех районах, где молочное хозяйство окрепло и развилось, система хозяйства меняется—корова и телок приобретают главное значение, выращивать лошадь дома не выгодно, она отнимает корм у коровы и потому для работ больше ценят мерин, а не маток, здесь жеребят меньше, здесь на 100 жеребят приходится 1940 телят, как то видим в наиболее молочном I районе.

Вот таблица порайонных данных по переписи 1916 года.

НАИМЕНОВАНИЕ РАЙОНОВ.	Состав стада крупного рогатого скота в 0/0.				На 100 жеребит приходится телят.	На 100 сельского населения об. пона кор.	На 100 десят. пашни всего ск. в пор. накр.	На 1 десят. пара пудов. навоза.	На 100 дес. пашни лошадей рабочих.	Общий сбор молока с района пудов.	Молока пудов в год на едока.	Молока пудов с кв. версты.
	Коров.	Быков.	Молодн. стар. 1 г.	Телят до 1 года.								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Юго Западный . . .	52,5	0,6	10,9	36,0	1940	29,01	68,8	1827	18,5	15354897	17,4	396
II. Северо-Восточный	49,9	0,4	14,8	34,9	1151	30,1	97,6	1845	24,7	8006875	15,9	151
III. Северо-Восточный	62,1	0,7	13,1	24,1	812	40,0	106,9	1489	28,4	9612217	15,8	103
Юго-Восточный . . .	54,0	0,8	12,2	33,5	1088	24,8	64,5	1398	19,0	2527190	10,5	137
Итого по области .	54,9	0,5	12,6	31,9	1288	31,8	83,8	1669	22,1	35501179	15,9	176

Цифры таблицы взяты по переписи 1916 года. В настоящее время несколько иной состав стада, меньше приходится навоза на 1 десятину, собирается меньше молока, если не на едока, то на 1 кв. версту. Но мы уже сказали, что берем статику хозяйственной деятельности и берем ее умышленно к 1916 году, т. к. к этому времени скота хотя и уменьшилось, но это уменьшение должно быть отнесено на счет неурожая трав в 1913—14 и 1914—15 году, а не на счет войны, т. е. это уменьшение нужно считать нормальным— количество скота после неурожая трав выражает то среднее количество, которое, вследствие естественных условий, может быть содержимо в нашей области и в отдельных ее районах.

Графа (6-я), показывающая количество коров на 100 душ населения, очень интересна. Здесь прежде всего обращает внимание то, что в самом молочном районе меньше всего коров: 29,01 голова на 100 душ, но в тоже время в этом районе приходится больше всего молока на 1 едока—17,4 пуда (графа 11-я). Сопоставляя эти две графы мы видим, что в центре нашей области произведена громадная работа по улучшению продуктивности скота. С удалением от центра области от Вологды, продуктивность коровы понижается. Самая низкая продуктивность в районе IV, где на едока приходится всего 10,5 пуда, при 24,8 коров на 100 душ населения.

По бюджетным обследованиям выяснено, что потребление молока на 1 едока в намечаемой нами области, равно в среднем 9 пудам, колеблясь от 11 (Грязовецкий уезд) до 7 пудов (Каргопольский). Вычтя количество потребляемого молока из всего количества, мы увидим что излишки молока получались во всех районах. Эти излишки шли на рынок в виде сливочного и топленого русского масла, от продажи этого масла преимущественно и составлялся денежный бюджет скотоводства. Сбыт излишков молока в виде масла, а в уездах Буйском и Любимском преимущественно в виде голландского сыра, и придают намеченной нами области,—молочно-хозяйственный характер. Последняя графа дает нам понятие о сборе молока с 1 квад. версты. Из нея мы видим, что наибольший сбор с квад. версты—396 пуд.—получается в

1-м юго-западном районе. Здесь маслоделие наиболее развито—сбыт молока из этого района шел и идет сейчас почти исключительно в виде масла из подогретых сливок, так назыв. парижского или масла из свежих сливок. Тот и другой сорт летом часто присаливается. Топленого масла в этом районе нет. В этом районе особенно сильно развивалось кооперативное маслоделие: до войны 60—75% всех крестьянских хозяйств было кооперировано.

Во II-м районе собирается по 151 пуд. молока с квад. версты и соответственно этому в этом районе маслоделие развито слабее. Причина понятна: здесь сбор молока, для переработки в масло на маслодельных заводах, был труднее и обходился дороже: как так для сбора 10—15 тысяч пудов молока нужна площадь 80—100 квад. верст, (вычтя, 9 пуд. потребляемого молока), в I-м же районе для сбора молока нужно было всего 40—50 квад. верст, радиус сбора короче. Почему маслоделие и маслодельная кооперация не развиты в районах III и IV, так же понятно из последней (12-й) графы таблицы. Здесь молочных излишков очень мало, всего 137—103 пуда с квад. версты, и за вычетом потребления получим 40—50 пудов излишков или для сбора 10—15 тыс. пуд. молока на завод нужно собрать его с 250 квадратных верст, что совершенно не мыслимо.

На этом беглом обзоре скотоводства, мы принуждены закончить и перейти к характеристике полей и луга.

Следующая таблица даст нам представление о полевом хозяйстве и о количестве кормов для скота.

№№ и наименование районов.	% посева в 1916-м году.						Получено на 1-го ед. пуд.									
	Ржи.	Пшеницы,	Ячменя.	Овса.	Гороха.	Картофеля.	Льна.	Ржи.	Пшеницы.	Ячменя.	Овса.	Гороха.	Всего зерна.	Картофеля.	Сена пуд. на 1 голову скота в пер. на круг.	На 100 душ пашни лошадей.
I. Юго-Зап.	36,6	2,4	8,0	29,09	0,63	4,5	10,32	8,3	0,4	1,3	6,0	0,1	16,1	5,7	158	18,3
II. Сев. Зап.	41,3	0,74	8,57	38,62	0,85	4,37	3,72	7,3	0,1	1,2	5,9	0,1	14,6	4,7	125	24,7
III. Сев.-Вос.	31,9	3,04	10,2	39,74	2,27	2,3	5,38	9,3	0,7	2,6	8,9	0,6	22,1	3,2	201	28,4
IV. Юго-Вос.	40,7	3,62	4,8	40,31	5,51	5,51	3,77	7,3	0,6	0,7	6,8	0,1	15,3	7,2	138	19,0
Итого по области	39,06	2,35	8,3	35,93	3,8	3,8	6,73	8,2	0,4	1,6	6,8	0,2	17,3	4,9	160	22,4

По проценту посева хлебов мы имеем почти однообразную картину, вся область может быть названа типичной трех-польно паровой. Если прибавить к посеву ржи посев ячменя (который у нас на севере почти всегда сеют в озимом поле) и пшеницу, а к овсу горох и лен, то получим правильный трехпольный посев: 50% озим. и 50% яров. поля. Из незерновых посевов следует отметить более высокий процент (10,5) посева льна в I-м районе. Выше мы уже говорили, что юго-западный район не только молочный, но и льняной. В этом районе приходный бюджет наиболее денежный; хозяйство наиболее рыночно и с последним оно связано маслом и льном.

Кроме льна из описываемой области, включая и I-й район, вывозился еще овес. Масло, овес и лен—вот та последовательность, которая характеризует связь хозяйства с рынком.

Наиболее картофельным (5,5%) является IV юго-восточный район, в который входят три уезда (Солигаличский, Чухломский и Кологривский Костромской губ.). Усиленный посев картофеля,—это отражение картофельного района Костромской губ., расположенного южнее.

Характерно еще количество лошадей на 100 десятин пашни. В двух южных районах (I и IV) их меньше (19—18,5%), чем в северных (II и III) (28,4—24,7), и это связано с занятием населения—здесь лошадь, кроме обработки пашни, работает в лесу на промыслах и при отсутствии железных дорог—обслуживает район при передвижении и перевозках грузов. Чем дальше на северо-восток, тем больше лошадей на 100 десятин пашни, тем больше лошадь занята работой в лесу, и не на пашне. Так, например, в уезде Сольвычегодском их уже 41,9 и в Устьсысольском даже 88,7. На запад ближе к Петрограду в Тихвинском районе 31,88, в Весьегонском 35,45% на 100 дес. пашни.

Малое количество лошадей на 100 десяти пашни—это характерная черта нашей области, здесь лишней лошади не держат, здесь корова вытеснила ее.

Наиболее сенным является район I-й коровный—молочный, в нем приходится 158 пудов сена на голову крупного скота (в переводе). Правда, III-й район имеет 201 пуд, но все же его нельзя считать самым сенным, т. к. если мы из учета исключим Никольский уезд, то на голову скота в остальных трех уездах придется всего 138 пуд. и в Тотемском уезде этого района приходится всего 97 пудов на голову. Меньше сена, больше лошадей—это означает, что корове сено дается редко, здесь корова содержится главным образом на соломе и потому дает мало молока.

Взятая нами область не богата зерновыми хлебами. В среднем по области приходится продовольственных хлебов 10,6 пуда на едока, т. е. меньше нормы. Значит своего хлеба на продовольствие не хватает. Правда, население области употребляет в пищу часть овса, которого собирается 6,8 пуд. на едока, поедает горох 0,2 пуда и картофеля 4,9 пуда, но все же нехватка своего хлеба характеризует нашу область. Область является потребляющей хлеб, но не во всех районах одинаково. Так например III район производит хлеба больше; продовольственных хлебов 12,6 пуда, овса 6,8, гороха 0,6 пуда и 3,2 пуда картофеля на едока. Усиленная продукция хлеба в этом районе понятна, это район, расположенный вдали от железно-дорожных и водных путей, доставка хлеба дорога и потому население старается само культивировать хлеб. Полеводство является натурально-потребительной отраслью хозяйства. Однако, наша область не всегда была потребляющей. По указанию проф. Челинцева, до 1880—84 года из Вологодской губернии вывозилось 185—200 тысяч пудов.

Мы уверены, что в будущем наша область так же может стать производящей, а не потребляющей. Усилить продукцию хлебов в нашей области заставят пережитые года. Хлеб еще долго будет дорог, по отношению к другим товарам. Усилить продукцию хлеба здесь легко. Все наши вычисления о количестве хлебов мы производим исходя из среднего урожая 55—60 пуд. с десятины ржи, 50—55 пуд. с десятины овса. Однако мы знаем, что в мало посевных крестьянских хозяйствах

с 1—2 дес. посева на хозяйство, средний урожай равен 80—70 пудов с десятины. Происходит это только потому, что в этих хозяйствах больше навоза, т. к. приходится больше скота на десятину пашни. Мы уже говорим, что в имени Молочно-хозяйственного института средний урожай ржи 120—130 пуд. и это только потому, что здесь навоза еще больше, здесь ведется рациональная обработка почвы.

Улучшить кормовые условия, увеличить количество скота, увеличить количество навоза—вот путь к повышению продукции полей.

Всего в области собирают 38.763,579 пудов всех хлебов и гороха. Если увеличить урожай только на 10%, то его будет уже 42.638,936 пуд. и на едока уже будет не 17,3, а 19,7, а довести урожай до 100 пуд. с десятины, значит получить хлеба по 25,1 пуда на едока.

На этом мы закончим свой доклад полагая, что приведенного достаточно, чтобы убедиться, что центральная часть Севера—Вологодская область—имеет характерные черты, и потому должна быть объединена в одну область. Только это даст возможность строить единый сельско-хозяйственный производственный план. Только объединение в одну область позволит регулировать наше хозяйство и правильно облагать область и ее части налогами в пользу государства.

Д. Деларов.

Примеч. В данной статье на стр. 25, строка 14, нужно вместо 2 ф. читать 6 фун. и в строке 16 вместо: не молочно-хозяйственные, читать:—молочно-хозяйственные.

II. Районирование и северная промышленность.

Детальная разработка вопросов связанных с делением Севера на различные хозяйственные районы представляет большую и длительную работу, являющуюся делом будущего. Подробное изучение статистики народного хозяйства, обнаружение и оценка изменений вызванных войной и революцией, когда многие старые хозяйственные связи разрушились, а новые еще лишь определяются и складываются,—дело сложное, требующее времени не только для выполнения исследовательской работы, но и для того, чтобы „отстоялась“ сама жизнь. Хотя жизнь не ждет и находится в вечном движении, все-же в более общих своих чертах она всегда представляет некоторые устойчивые элементы, некоторые основные штрихи, долго остающиеся неизменными. Попытаться схватить эти черты, наметить общие вопросы хозяйственного деления, хотя-бы и в грубых линиях,—неотложная задача наших дней.

Существуют-ли, однако, какие-либо твердо установленные и обстоятельно изученные районы, существуют ли принятые наукой, установившиеся методы районирования,—вот вопросы, возникающие при первом же подходе к определению хозяйственных районов. И, к сожалению, на эти вопросы приходится отвечать отрицательно. Как отдельные области, намеченные разными исследователями, так и способы районирования у различных авторов многообразны и неоднородны. Интересный „исторический обзор опытов разделения Европ. России на хозяйственные районы“ дан Н. П. Никитиным¹⁾, вопросам

¹⁾ См. названную статью в „Народн. Хозяйстве“, 1920 г., № 13—14.

же методологии посвящены были в разное время работы многих авторов, Я. В. Бляхера, С. В. Бернштейна, И. Г. Александрова, А. А. Кауфмана, Д. И. Рихтера, А. Челинцева, А. И. Скворцова и др.¹⁾ Здесь не место углубляться в специальные вопросы методологии районирования; здесь необходимо отметить лишь те общие принципы, из коих неизбежно приходится исходить при попытке выделения хозяйственных областей обширного Северного Края,—принципы наиболее бесспорные и обоснованные.

К числу таких принципов относится признание связи между свойствами почвы, географическим положением, естественными богатствами и господствующим типом хозяйства. Это признание побуждает во всех случаях отыскивать прежде всего единообразие естественно-исторических условий, или еще точнее, единообразие самого *характера зависимости* хозяйственной жизни от природных условий.

Однородность естественно-исторических условий определяет сходство экономических и обще-хозяйственных факторов, которые в свою очередь обуславливают известное единство всего бытового уклада жизни населения.

Вследствие этого получают обособившиеся районы, неизбежно вступающие во взаимодействие между собой сначала при помощи естественных путей сообщения, позже при помощи технически развитого и оборудованного транспорта. Таким образом, с одной стороны открывается возможность говорить о географическом разделении труда, а с другой—выдвигается на первый план огромная важность средств и путей сообщения. Конечно, установление таких обособленных, специализировавшихся областей, необходимое как общий принцип, нельзя понимать в том смысле, что могут быть установлены области, в которые равномерно и в полном объеме укладывались бы все разнообразие отрасли народного хозяйства края. На севере, также как и в других областях России, некоторые даже крупные отрасли хозяйства, как, например, в будущем Ухтинская нефть, или в настоящем целлюлозные фабрики Сухонского района, оказываются вовсе не связанными непосредственно со всей хозяйственной жизнью губернии. Иные же отрасли промышленности, например, лесопильная, кожевенная, мукомольная, маслодельная могут быть довольно равномерно рассеяны по очень обширному пространству края, нигде особенно не централизуясь. Невозможно поэтому устанавливать границы какой-либо области, исходя из учета одного какого-нибудь вида промышленности, и необходимо такое определение районов, при котором лишь главнейшие факторы хозяйственной жизни укладывались бы в определенные границы. Однородность района создается не обособленными, хотя бы имеющими и громадное значение для государства отраслями народного хозяйства, а общностью всего уклада хозяйственной жизни в основных и характерных его чертах.

Относительно русского Севера, где количественное преобладание сельского населения над городским и чрезвычайно слабое развитие городской жизни заметнее, чем в других областях, России, давно уже сложилось убеждение довольно прочное и достаточно обоснованное. Это убеждение заключается в признании для той области, которую

¹⁾ Для желающих ознакомиться с литературой предмета служит „Краткий указатель литературы по районированию“ Б. И. Книповича, в издании Госплан—„Экономическое районирование России“. М. 1921 г., стр. 63.

мы называем центральной—северной, преобладающего значения крестьянского сельского хозяйства во-первых, и во-вторых—ясно обозначившегося уклона его в сторону скотоводческой системы хозяйства. Поэтому в основе районирования Севера должно лежать единообразие и однородность земледельческого хозяйства, по крайней мере для части северной равнины; должен учитываться и особой уклон этого хозяйства. Думается, что вряд ли правильным является предполагаемое проектом проф. И. Г. Александра разделение всей северной равнины только на две большие области,—северо-западную тяготеющую к Балтийскому морю и Мурману (к области отходят уезды Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и частью Тотемский и Вельский), и—северо-восточную тяготеющую к Архангельску (к области отходят часть Вельского и Тотемского и весь Каргопольский уезд). В основе этого деления лежат водные коммуникации края и не учтены железнодорожные пути, между тем как сообщение по воде сравнительно кратковременно, а выработанная сеть новых железных дорог на севере,—линии: Москва—Ухта, Котлас—Сорока, Котлас—Вельск—Коноша—Званка, Котлас—Обь и ветви от Архангельской и Вятской линий, которые так или иначе должны построиться,—несомненно внесут значительные изменения в жизнь края и повлияют на распределение товаров и товарные тяготения. Сравнение с Францией, например, где департаменты расположены по водным бассейнам, мало имеет значения для России. Там административное деление и экономическое строительство складывались исторически, медленным эволюционным путем; там совершался естественный процесс развития дорожной сети и паровоз явился естественным шагом вперед в деле улучшения транспорта, не внося резких потрясений. Здесь, в России, транспортное дело сложилось иначе. На западе шло сгущение населения в тесных рамках пространства, у нас—непрерывная колонизация и расселение с захватом громадных абсолютно неустроенных, девственных пространств,—расселение, вызывавшее задачу „побеждать пространство“, по выражению Лохтина. Железная дорога у нас и поныне находится рядом с необъятным безлюдным мертвым пространством и, конечно, представляет собою фактор, способный радикально изменить жизнь целого края. Сказанное, разумеется, имеет в виду не умалить значение водных путей, а подчеркнуть необходимость учета влияния рельсовой сети и будущих транспортных перспектив. Затем, если мы обратимся к характеристике северо-восточной области, т. е. района нижнего течения Онеги, бассейна Сев. Двины и Печоры, то проф. Александров характеризует его следующим образом: „водный, мало обследованный и слабо заселенный район. Из богатств в большом количестве имеются лес, рыба, продукты специального животноводства и звероловства (оленоводства). Из ископаемых богатств—нефть на Урале, бурый железняк по притокам Печоры, медь по р. Цыльме, многочисленные залежи соли. Административный центр—Архангельск“.¹⁾ Северо-западная область, отмечается как „громадный лесной район, вывоз леса за границу, центр будущего судостроения, лесной и металлической промышленности“. Такое определение областей слишком суммарно, слишком основано на значении портов и совершенно не касается сельского хозяйства. А между тем, различия и в складе хозяйственной жизни крестьянства, этой базы всей жизни Севера, и в характере лесов очень значительны и с ними нельзя не счи-

¹⁾ См. „Экономическое районирование России“. Госплан. М. 1921 г., стр. 39.

таться. Нам кажется, что центральная северная область обладает достаточно ясными признаками для того, чтобы ее выделить в особый район, посредствующий между портами Севера и Москвой, между Петербургом и Уралом. На эту область можно смотреть, как на некоторую совокупность условий, дающих возможность выполнить определенные задачи хозяйственной жизни, если за основу брать наиболее характерные признаки и господствующий тон склада всей жизни. Менее всего правильным было бы рассматривать эту область, как тенденцию в вывозе за границу круглого леса и тесу, льна, кожи и т. д.; наши чаяния связываются с развитием обработки сырья для внутреннего рынка, с интенсификацией сельского хозяйства и обработкой его продуктов.

Обращаясь после этого кратко и схематического отступления, основных мыслей которого нельзя развить за недостатком места к вопросам связанным с промышленностью района, остановимся на численности фабрично-заводских рабочих по уездам района. При распределении уездов по числу рабочих согласно переписи 1920 г. получаем следующие величины:

от 0 до 0,5 тыс. рабочих имеют уезды Солигаличский, Чухломский, Любимский.

от 0,5 до 2,0 тыс. рабочих имеют уезды Грязов., Тотемск., Галичск., Пошехонск., Белозерск., Кирилловск., Даниловск., Каргопольск.

от 2,0 до 5,0 тыс. рабочих имеют уезды Вельск., Кадник., Весьегонск., Буйск., Черепов., Устюженск.

от 5,0 до 10,0 тыс. рабочих имеет уезд Вологодский.

Отсюда видно, что в главной массе уездов имеется лишь от 0,5 до 5,0 тыс. рабочих; северные уезды Костромской губ. и Любимский имеют до $\frac{1}{2}$ тысячи рабочих, и только один Вологодский уезд располагает почти 10-ью тыс. человек рабочих. Ясно по этим данным, что во всем районе, кроме Вологодско-Сухонского, фабрично-заводская промышленность совсем не развита. Это—край крестьянского земледелия и подсобных к нему промыслов. Особенно резкой становится разница в развитии промышленной жизни северной области, если сравнить приведенные величины с количеством рабочих в смежных промышленных районах. В то время как Любимский уезд располагает лишь 637 рабочими, Ярославский имеет 23,128 рабочих, Ростовский—8322 раб., Солигаличский насчитывает только 506 человек рабочих, а Кинешемский—22,874 человек.

При слабом развитии промышленности во всем северном крае, где не обособились еще резко различные отрасли производства, трудно определять границы области и можно намечать их лишь схематически (и может быть лучше всего в соответствии с границами сельскохозяйственных подрайонов). Грубыми чертами набрасывая границы центральной области, можно заметить, что к северу и северо-востоку от современных границ вологодской губ. лежит в бассейне Ваги и Двины территория по преимуществу лесная, слабо заселенная, совершенно лишенная фабрик и заводов и связанная по водным путям и будущим железнодорожным магистралям с Архангельском. Возможно, что со стороны Сев.-Двинской губернии к Вологде тяготеет лишь часть Никольского уезда, между тем как остальная территории, когда по ней пройдут магистрали от Котласа в Сибирь, к Сорокской бухте, к Петрограду, будет промышленным Клондайком своего рода, а Котлас—

крупной внутренней лесной гаванью для Мурмана, Архангельска и Балтийских портов.

К югу от центральной северной области находятся районы исторически сложившейся крупной текстильной промышленности,—области связанные путями сообщения с Волгой (Костромская и Ярославская губ.); переход за эти границы грозил бы смешением двух типов хозяйства и неразвитой индустрией, другого—торгово-индустриального. Что касается Костромской губ. в современных границах, то она входит в состав северной лесной области почти вся, кроме сравнительно небольшой полосы приволжской, где образуется ею северная граница Московской промышленной области. В работе М. Т. и П. „Торговля и промышленность Европ. России по районам“ на территории Костромской губ. прежнего объема различались три „полосы“: северная лесная—образуемая восточными уездами, московская промышленная—южным, и северо-западная земледельческая—западными уездами *). Далее к востоку лежат земли бассейна Ветлуги и Вятки, где находятся крупные водные магистрали Кама и Волга с их притоками, а в будущем пройдет железнодорожная линия Москва-Нижний-Козьмодемьянск-Екатеринбург-Омск. С северо-запада центрально-северный район ограничивается пределами Череповецкой губернии, однако без Тихвинского уезда, который по естественно-историческим признакам и по перспективе своего развития должен входить в особый Боровичско-Тихвинский район, расположенный по басс. рек Мсты, Тихвинки, Сяси и их притоков **). В пределах Череповецкой губернии с точки зрения индустриальной промышленности нет каких-либо признаков, которые резко очерчивали бы этот край от склада жизни Вологодского края, если не считать района Тихвин-Боровичи.

Обрисовав схематически границы области, попытаемся в отдельных основных группах описать фабрично-заводскую промышленность области. Так как вся рассматриваемая нами область есть по преимуществу лесная, то несколько слов прежде всего об обработке дерева. Естественно-географические условия чрезвычайно властно определяли в прошлом топографию этого вида промышленности во всем Северном Крае. Изолированность северных лесов от внутренних рынков, вследствие отсутствия благоустроенных путей сообщения, наличие выходов к морю по рекам и деятельность Архангельска, как морского порта, заставили лесопильные заводы расположиться по берегам рек, или в их устьях, и создали концентрацию лесного дела в Архангельске. К Архангельску, Мезени, устью Печоры, к Онеге, западным портам Бел. Моря и Коле по бассейнам рек относилась в Архангельской и Вологодской губ. прежнего объема лесная площадь в 54.142 т. десятин, тогда как к Петербургскому и Волжским рынкам—только 3257 тыс. дес.

К внутреннему русскому рынку, из-за транспортных условий и малолюдья, тяготела лишь меньшая, к сожалению, южная часть края. Череповецкая и Олонецкая губернии, район Кубенского озера и Верхн. Сухоны до завода бывш. Ривлина у с. Шуйского—сбывали свои то-

*) По проекту проф. Александрова к центрально-промышленному району отнесены уезды Буйский, Галичский, Солигаличский и Чухломский. Нам думается, что здесь северная граница центрально-промышленной области должна быть проведена южнее.

***) См. работы проф. Земятченского, Хименкова, инж. Пальчинского и друг.

вары через Петроград, заводы—вдоль Архангельской ж. д.—частью на московский и за-московский рынок, Костромская губ. около 50% своего лесного товара отправляла в портовые города. При таких условиях разработка обширнейшей программы северных путей сообщения, как для обслуживания заграничного экспорта через порты Белого моря и Ледовитого океана, так и для сбыта леса на внутренний рынок является одним из главнейших мероприятий. В экономическом отношении именно те пути, которые свяжут Север с центральной Россией и Петроградом, будут иметь особенно важное значение и для северной промышленности и для страны.

Эти пути не только обеспечат население севера продовольствием и отечественной мануфактурой, но и дадут северной промышленности близкий рынок.

Касаясь вопроса об общем направлении, которое должно принять северное лесное хозяйство, В. Фаас высказывался *) за установление высокой вывозной пошлины на лесное сырье—с целью постепенного прекращения вывоза его за границу и поощрения вывоза леса в обработанном виде. „Как ни соблазнителен, в особенности при переживаемом исключительно тяжелом, финансовом положении России, экспорт леса в необработанном виде, представляющий возможность быстрой реализации наших лесных богатств, но от таковой меры, как крайне невыгодной и разорительной, необходимо совершенно отказаться, ограничивая вывоз лесного сырья небольшими количествами бревен и балансов и экспортом“. С такой предпосылкой естественно связаны мысли о приходе заводов и фабрик к месту произрастания сырья, к распылению промышленности по обработке дерева во всем крае, к связи с центром не меньшей, чем с портами и т. д. Но тогда и деление Севера на северо-западную и северо-восточную области, как основанное на хозяйственных связях старого „забытого“, а не нового приобщаемого к России Севера—недостаточно. До сих пор из-за бездорожья и малонаселенности, под влиянием заграничных торговых условий и оторванности Севера от общих экономических и технических успехов внутренней России лес на Севере подвергался невыгодной для государства выборочной рубке: крупные бревна от 5½ вершков в отрубе выбирались, а пни, сучья, вершины—засоряли лес, мелкий и средний деловой лес, дрова—не находили себе сбыта и пропадали. Интенсификация в эксплуатации леса разных сортов крайне необходима для поднятия доходности северных лесных богатств, без нее немислим разумный хозяйственный план, а для его осуществления необходимы пути сообщения магистральные и под'ездные, водные и железнодорожные. И они будут, без них нельзя обойтись, а тогда и районы надо определять, считаясь с планом путей сообщения. Как можно, например, упустить из вида проекты по колонизации Тотемского района, где предположены электрические силовые установки? Еще бывшее мин-во пут. сообщения в виду неустройства всего северодвинского пути произвело подробное исследование Сухоны, дав проект шлюзования с использованием энергии падающей воды. По подсчетам получалось до 100 тыс. лош. сил энергии, а радиус района силовых установок предполагался в 200 верст. Здесь, конечно, возникли бы цементные, лесопильные и др. заводы. И, если допустить, что осу-

*) См. Труды 8 Всерос. Электротехн. Съезда, вып. II. Электрофикация районов. М. 1921 г., стр. 105.

ществится связь рельсовым путем Тотьмы через Солигалич с Буюем, а значит и с Волгой и с Москвой, то граница района северо-западной области и в проекте проф. Александра должна передвинуться дальше за Тотьму, т. к. последняя лишь из-за отсутствия путей сообщения сплавляет круглый лес к Архангельску и не имеет у себя заводов по обработке дерева. Нельзя не помнить и о проекте Лаче-Кубинского пути, который способен самым серьезным образом повлиять на развитие промышленности и сблизить с вологодским краем огромный лесной район.

Если рассматривать лесопильное дело по губерниям, то рисуется следующая картина. В Вологодской губ. по данным переписи 1920 г. обработка дерева занимала видное место, причем на 1445 предприятий по сухой перегонке дерева приходилось 20 лесопильных заводов и 25 столярно-плотничных мастерских. Собственно лесопильное дело было более развито в Вологодском и Кадниковском уездах. Всего в довоенное время в губернии было 14 лесоп. заводов при 1499 рабочих и 1980 т. руб. годовой производительности, или в среднем на завод — 107 рабочих и 141 тыс. руб. в год. В *Костромской* губ. обработка дерева по переписи 1918 года занимала второе место по количеству занятых рабочих и первое по числу заведений, причем преобладало в этой группе производство лесопильное; на топографии лесопилок сказалось влияние более лесистых северных уездов. В Буйском, Кологривском, Галичском и Чухломском было сосредоточено 57% всех лесопилок губернии. Если обратиться к данным до-военного периода, то увидим, что рост лесопильной промышленности наблюдался именно в северных уездах, где за время между 1901 и 1911 г.г. число заводов почти удвоилось; явление это объясняется влиянием постройки линии Вологда-Вятка, открывшей возможность эксплуатации лесов удаленных от сплавных рек. Особенно сильно развилось лесопильное дело в районе ст. Буй и Мантурово, где и находится одно средоточие костромского лесопильного производства, другое же средоточие — район Юрьевца и Костромы. Юрьевец связан определенно с Волгой, но существует и проект жел.-дорожной ветви от Юрьевца на Вичугу. Обращают на себя внимание смолокурные, скипидарные, порошковые и иные мелкие заводы, типичные и для всего вологодского края. В отношении сырья и топлива северные лесопильные заводы Костромской губернии обеспечены на много лет, готовый же товар в до-военное время распределялся следующим образом: 10% — шло на внутренний рынок губернии, 50% — в портовые города, 5% — в центральные губернии и 35% — в низовье Волги *).

В *Череповецкой* губ., по данным переписи 1918 года, наибольшее число предприятий падает на обработку дерева, что объясняется большой лесистостью губернии. Этим производством занято 50% всех рабочих губернии, причем предприятия здесь по преимуществу крупные; в среднем на одно заведение приходится до 100 рабочих, между тем как в *Костромской* губ. — 78. На долю лесопилок приходится около 54% мощности всех двигателей. Кроме лесопилок имелись фанерная фабрика в Череповецком у. и спичечная в Устюженском. В последнее время в Череповецкой губ. намечаются следующие центры лесной промышленности с огромными запасами сырья: с. Ерга-Воскресенское

*) См. работу П. Макарьева „Фабр.-зав. промышл. Костром. губ. накануне мировой войны“.

в Череповецком лесничестве, Подпорожье и прист. Низовица на Мариинской системе в Кирилловском лесничестве, пос. Никольский-Желобовский, г. Белозерск, оз. Шольское и пос. Куйской. Здесь уже был значительный Шольский деревообделочный завод, существовали также стекольный, бумажный и железо-прскатный заводы **). Среди различных вариантов жел.-дорожных путей, проектируемых на территории губернии, имеются направления: Боровичи-Устюжна-Череповец-Лухтонга (связь севера, центра России, Поволжья и Мариинск. сист.), от Москвы через Савелово на Суду и затем на Сороки к Мурм. жел. дор., ст. Суда-Весьегонск, как часть связи Москвы с Мурманом (проектировалась Северн. ж. д.), Устюжна-Бабаево, как часть такой же связи (проектировалась быв. Земством Устюж. у.), ветви Суда (или Череповец)—Белозерск, ст. Кипелово—гор. Кириллов, как колонизационные и лесные пути и, наконец, часть линии от Котласа на Званку. Если линии широтного направления будут связывать Север с Балтийским морем, то в проектировании многочисленных меридиональных линий обнаруживается стремление дать связь Северу с Москвой, а через нее и с Югом.

В *Олонецкой* губ. лесопромышленность концентрирована главным образом в Вытегорском и Петрозаводском уездах и почти все заводы работали на экспортный Петербургский рынок. Сооружение линии Котлас-Званка и Лаче-Кубинского пути, постройка под'ездных путей к Кириллову и Белозерску несомненно повлияют на перераспределение товарных направлений и часть грузов направят к центру страны. Слабая лесопромышленность *Ярославской* губ. в ее северных уездах ожидает развития под'ездных путей и связана будет с Москвой и Волгой. Весьегонский уезд Тверской губ. при проведении магистрали Москва-Мурман также будет связан с Москвой. Не следует при этом забывать, что главным занятием жителей уезда являлось земледелие, развивались посевы льна, а по количеству скота уезд занимал первое место в губернии; маслодельни, маслобойные мелкие заводы, сыроварни были рассеяны по его территории.

Таким образом, перед нами значительная лесная площадь, лесные предприятия которой расположены главным образом по водным путям и связаны пока с Петербургским портом. Леса слабо обслужены заводами и мало эксплуатируются, но при оборудовании сети водных и жел.-дорожных путей в районе разовьется значительно обработка дерева, связанная с центром России и портами севера и запада. Неизбежное развитие лесного дела заводского и кустарного, а также колонизация района создадут условия для вовлечения освобождаемых из-под леса земель в общий сельско-хозяйственный оборот и помогут росту сельского хозяйства, этой базы района.

На втором месте за лесопильным делом надлежит поставить в центральной северной области обработку пищевых продуктов. В *Вологодской* губ. по переписи 1920 года около 60% всех промышленных заведений составляли мельницы, маслобойные и маслодельные заведения, причем все предприятия, не крупные по размерам, были довольно равномерно распределены по территории губернии и были связаны с основным характером народного хозяйства губернии, земледельческо-

***) См. Труды „Бюро изыск гуж. дор. на Севере“, Петр. 1921. Ст. А. И. Анохина и В. В. Милютин. Задачи дорожного строительства Череповецкой губ стр. 178—196.

скотоводческим. В *Костромской* губ. обработка пищевых продуктов занимает следующее за лесопильным делом место. По числу заведений на первом месте стоят сыроварные и маслодельные заводы, находящиеся в тесной зависимости от распределения по территории губернии лугов и пастбищ. Большинство их находится в районах заливных лугов, главным образом в Буйском, Галичском, Солигаличском и Чухломском уездах. Если распределить эти заводы по бассейнам рек, то в бассейне р. Костромы в 1913 г. находилось 99% всех заведений этого рода, на долю Поволжья приходился 1%. Тенденция к развитию этого производства несомненно отмечалась; с 1900 г. до начала войны 1914 г. производство увеличилось более, чем в 2½ раза. Усиленное разведение скота на севере губерний и влияние вологодского маслодельного района, повидимому, обуславливали создание в басс. Костромы сыроварения. И по этому признаку, присоединение к Вологодскому центру северных уездов Костромской явилось бы целесообразным. — В бассейне Волги мы находим по преимуществу крахмальную промышленность, а не сыроварение. Здесь отчасти благоприятные местные условия, отчасти наличие спроса на крахмал со стороны текстильных предприятий и паточных заводов, особенно Ярославских, определяли развитие крахмальной промышленности. Таким образом, помимо основного деления между промышленностью северной и южной частей губернии обнаруживается линия раздела областей и по признакам обработки пищевых продуктов. Что касается хлеба и его размола, то в пунктах пересечения жел.-дор. с водой, у ст. Буй и Мантурово, под влиянием возрастания привоза зерна, развилось крупное мукомольное дело. Для южной части губернии распределительно-помольными центрами служили Кострома, Кинешма и Юрьево. При осуществлении соединения рельсовым путем гор. Тотьмы с ее Кокшенгской житницей и Буя, мукомольное дело разовьется у того и другого пункта. Граница посевов специального льна-долгунца на юго-западе также помогает определению территории вологодского района в указанных рамках.

Что касается *Череповецкой* губ., то в ней, как губернии, где лес вытеснял земледельца, мы не встречаем в группе производств по обработке питательных веществ ни одного сколько нибудь выдающегося по размерам заведения, если не считать в Кирилловском уезде одного более значительного пиво-медоваренного завода. Однако, нельзя не напомнить об исконных связях по торговле хлебом с Вологдой городов Кириллова и Белозерска, а также и Каргополя, входившего в Олонецкую губернию. Последняя также, как и Череповецкая, не развила обработки пищевых продуктов. В Каргополе имелся один паровой завод для выделки ягодных экстрактов, да один—пивоваренный завод—и только.

В будущем, однако, следует иметь в виду возможное развитие консервно-копильного дела, так как весь район охватывает большие водоемы, богатые рыбой. В Череповецкой губернии в одном лишь Белозерском уезде, насчитывается более 200 озер, славящихся рыбой, среди них Белое, Шольское (снятки), Матеро, Левенское, Андозеро и др. На Белом—улов рыбы зимой достигает 120.000 пуд., в остальное время 80000 пуд. Вывоз рыбы—главным образом, гужевою, причем значительная часть его, минуя жел. дорогу, доставляется непосредственно потребителям в Вологод. губ.—В Костромской губ. имеется значительное и богатое рыбой озеро у Галича, в Вологодской—Кубенское озеро. При сооружении канала в 6 верст от р. Уфтюги к Модломе, откроется

путь по р. Воже к озеру Лаче; таким образом, рассматриваемый вологодский район охватывает и озерно-рыбное хозяйство центрально-северной равнины.

Затем, обращает на себя внимание промышленность, связанная с добыванием и обработкой камней, глин и проч. Известковые, гончарные, стекольные заводы рассеяны почти по всему краю и особого раздельного барьера между частями области по отношению к промышленности этого рода поставить нельзя. В Костромской губ., в северной ее части, Солигаличском и Галичском уездах производится обжиг известки и надо заметить, что проведение жел. дороги через Солигалич несомненно даст толчек к развитию в этом районе весьма значительной известковой промышленности и способно будет из Солигалича сделать такой же промышленный центр на северо-западе, каким Кинешма является для юго-запада губернии. В районе Волог. губ. должны быть отмечены два стекольные завода в Кадниковском уезде, имеющие такую важную роль в общем русском производстве последних лет. Стекловарение производилось и на одном заводе в Кологривском уезде. В Череповецкой губернии стекольное производство (4 завода) сконцентрировалось в Устюженском уезде, благодаря наличию залежей кварца и известняка. Олонецкая губ. совершенно не зарегистрировала на своей территории ни одного предприятия из этой группы производств.

Наконец, кожевенное производство нигде на севере не выходило из рамок кустарного, кроме Вятского и Пермского районов. Только Вологда располагала крупными кож. заводами, да район г. Галича отличался интенсивностью работы в этой отрасли; на заводы Галича и его окрестностей приходилась главная масса всего выработанного кожевенного товара, именно около $\frac{3}{4}$. В пределах Череповецкой губ. находилось лишь 3 небольших завода.

Об остальных группах производств говорить особо не приходится, т. к. развиты они очень слабо и дифференциации в смысле областном не создают.

В заключение думается, что обрисованная центральная северная область представляет собой обширную территорию, своего рода плато между Сев. Двиной и Волгой, между западным озерным краем и Вятским районом, если брать грубо схематически, в основных чертах. Плато это со всех сторон отграничено или ясно выраженными промышленными центрами или лесными пустырями и представляет собою сравнительно однородную по с. х. признакам область молочного хозяйства, со слабо развитой фабрично-заводской промышленностью. Вологда при этом находится в узле водных, ж. д. и торговых путей.

Наконец, надо иметь в виду, что эта область имеет различные целебные источники, соляные и железистые, отличные места для лечения больных в сухих, покрытых сосновым бором, возвышенностях.

Историческая жизнь всего этого района также способствовала однородности склада жизни. Достаточно вспомнить о том, что Вологодские помещики конца XVIII века почти все имели земли, одновременно в Вологодской губ., Череповецком и Белозерском уездах, Пошехонском, Буйском, Галичском, а многие фамилии были записаны в родословных книгах этих трех губерний. Это являлось фактором помещичьей колонизации на долгие годы и накладывало свой отпечаток.

Л. Андреевский.

III. Вологодская областная административная единица ¹⁾.

Деление России на губернии сложилось историческим путем. Первая губерния в России была Ингерманландская, образованная в 1702 г. Петром Великим из завоеванных у шведов и смежных русских земель. Вслед за этим в 1708 году Петр поделил Россию на 8 губерний, объединив в каждой губернии по несколько провинций. Провинции были основаны им же в целях взимания денежных сборов и явились посредствующими административными единицами между уездом и губернией. Петровские провинции были в значительной мере областными административными делениями предшествовавшей эпохи. Восемь „учиненных“ Петром в 1708 году губерний были следующие: Московская, Ингерманландская, Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская. К 8 губерниям приписано было 314 городов, „да к корабельным Воронежским делам 25, всего 339 городов, кроме Копорья и Ямбурга, которые отданы во владение светлейшему князю Меншикову“. (1-е Пол. Собр. Зак., т. IV, № 2218). К Московской губернии отнесены были, между прочим, города: Ростов, Любим, Кострома, Владимир; к Ингерманландской — Вел. Новгород, Псков, Устюжна, Бело-Озеро, Каргополь, Пошехонье, Ярославль, Тверь. В Архангелогородскую входили следующие города: Колский острог, *) Пустозерский острог, Кевроль, Мезень, Устюг Великий, Тотма *), Соль-Вычегодская *), Чаронда, Устьянские волости, Вага, Вологда, Галич, Соль-Галичская *), Унжа, Чухлома, Парфеньев, Судай *), Кологривов *), Кинешма. К Сибирской губернии отнесены были 7 городов нашего Севера, названные „поморскими“: Кунгур, Пермь Великая, Чердынь, Соль-Камская, Кай-городок, Яренск, Вятка.

В 1775 г. Екатерина II издала учреждение о губерниях, разделив Россию на губернии и уезды сообразно населенности их.

По учреждению о губерниях, Россия разделялась на 46 наместничеств или губерний, соответствовавших прежним 46 провинциям или воеводствам. (Анучин. Ист. обзор развития админ.—полит. учр. в России, с. 4).

Необходимость нового административного деления мотивировалась в указе, сопровождавшем Учреждение, так (сохраняю орфографию подлинника): „По великой обширности некоторых губерний, оные недостаточно снабжены как Правительствами, так и надобными для управления людьми: что в одном и том же месте, где ведомо правление губернии, и казенные доходы и счета, обще с благочинием и полициею, и, сверх того, еще уголовные дела и гражданские суды отправляются, а таковым же неудобствам тех же губерний в провинциях и уездах правления не меньше подвержены, ибо в одной воеводской канцелярии совокуплены находятся дела всякого рода и звания“.

Статья 1 я учреждения о губерниях ставила пространство губерний в зависимость от населения: „Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от 300 до 400,000 душ.. В уезде или округе полагалось от 20 до 30,000 душ. В указах об образовании губернии границы последних окончательно не определялись. Генерал-губернаторам предоставлялось входить между

¹⁾ Доклад значительно сокращен, т. к. проект Ларина, по поводу которого он был сделан в общем собрании членов общества изучения Северного края, 28 февраля, в центре отвергнут, а принят за основу реформы проект проф. Александрова о делении Республики на экономические области.

*) Сохранено название подлинника.

собою в соглашение по этому поводу с тем, чтобы доводить численность населения до установленных пределов. Интересный пример в этом отношении представляет образование Ярославской губернии. Составленная для нея карта передана была на заключение тайн. совет. Мельгунова и ген.-пор. Сиверса. Они представили Екатерине II доклад, из которого видно, что свою задачу они понимали так: рассмотреть карту Ярославского наместничества и выяснить „каким образом удобнее будет между смежными с ним губерниями учредить границу так, чтобы одной губернии селения не входили большими клиньями в другую, следовательно, чтобы они по способности были от одной отделены к другой“. Генералы выровняли клинья и составили росписание городов и уездов; после перечисления ими селений из одной губернии в другую, в Ярославской губернии муж. пола оказалось 335552 души“. По сему росписанию — писали они — дабы в силу изданного о губерниях учреждения число душ в каждом округе не превосходило положенного, также чтобы и граница между губерниями сколько можно была ровнее, надлежит по способности из провинций Вологодской, Галицкой, Костромской и Переяславль-Залесской вышеозначенное число душ ныне присоединить к Ярославской губернии“. Тоже самое происходило и при образовании Вологодского наместничества. Указ по этому делу последовал 25 января 1780 года, на имя Ярославского генерал-губернатора Мельгунова. Ему предложено было „составить Вологодское наместничество“, „в рассуждении пространства губернии, из трех областей, или провинций, т. е.: Вологодской, Великоустюжской и Архангельской, состоящей из 19 уездов, в первой быть губернскому, а в последних двух областным правлениям, все сии области составить из следующих городов с их уездами, а именно: к Вологодской принадлежать будут 5 городов: Вологда, Тотьма, Вельск, Грязовец и Кадников; к Великоустюжской 7: Устюг Великий, Соль-Вычегодск, Яренск, Лальск, Никольск, Красноборск и Устьсысольск; к Архангельской — 7: Архангельск, Шенкурск, Пинега, Мезень, Кола, Онега и какое (селение) генерал-губернатор по лучшей удобности назначит быть городом. Вследствие чего все те селения, в коих городам быть назначено, переименовать городами, и все города учредить на основании новых городов Новгород. губ., а в прочем назначение границ сего наместничества с прикосновенными ему предоставляем — гласил указ Екатерины II — на соглашение генерал-губернаторов и правящих ту должность, о котором, так как и о числе душ, сколько куда приписать, или к другим отчислено будет, имеют они донести нашему Сенату“.

Из числа 46 губерний, учрежденных Екатериной II, 5 впоследствии переименовано, упразднено либо разделено на несколько частей, 5 отошло ко вновь образовавшимся Балтийским государствам, Финляндии и Польше, а 36 существуют и по сей час. Деление наместничеств на провинции было потом отменено, в частности из Архангельской провинции, входившей в Вологодское наместничество, образована была Архангельская губ.

Со времени издания Екатериной II в 1775 году учреждения о губерниях и существует большинство губерний Великодержавии. Новые

губернии создавались сравнительно редко, границы изменялись в исключительных случаях.

Отсюда понятно, насколько за полтора столетия отстало от жизни административное деление Республики, понятно, что все оно держится только на традиции и б. ч. лишено каких-либо жизненных обоснований.

В экономической, бытовой и культурной жизни Великого государства, за протекшие почти 150 лет произошли всякому видимые огромные изменения. Пало крепостное право, сеть железных дорог во все стороны прорезала огромные пространства, связав омывающие русскую землю моря и океаны, возникла крупная промышленность, стала развиваться политическая мысль, а затем пришла и Революция с ее сдвигом всей прежней жизни. И все эти и многие другие обстоятельства как то не коснулись административного деления, на котором они должны бы были отражаться.

Только нашей отсталостью, нашей неподвижностью и слишком большим увлечением традициями может быть объяснено то, что крайне важному делу районирования не уделялось никакого внимания. Между тем устарелость и значительный ущерб, причиняемый народному хозяйству и делу администрации недочетами в административном делении государства, не могли не броситься в глаза.

С проведением Вологодско-Вятской и Петроградско-Вологодской железных дорог произошло коренное перемещение экономических центров в огромной полосе, захваченной влиянием этих дорог, но на положении вопроса о районировании оно не отразилось. Так, Череповец, и ранее не связанный экономически с Новгородом (600 в.) и ставший в 3 часа езды от Вологды, продолжал оставаться в составе Новгородской губ. Железная дорога близко подошла к уездам Белозерскому и Кирилловскому, тоже не связанным прочными экономическими узами с Новгородом, но и они продолжали оставаться в составе Новгородской губ. К востоку от Вологды ту же картину мы наблюдаем в отношении уездов Солигаличского, Буйского, Галичского, Чухломского Костромской губ. Они оказались ближе к Вологде, чем к Костроме, во всяком случае сношения с Вологдой представлялись легче, чем с Костромой, — и однако они продолжали оставаться в составе Костромской губ. по традиции, с большим ущербом для населения. В таком же положении находится Ветлужский уезд, Костромской губ.,

Упразднение ряда губерний и учреждение областей представляется мерою вполне целесообразною еще и потому, что дальнейшее существование карликовых губерний, как напр. Рязанской и др., пространством меньше Сольвыч. уезда, ничем не вызывается.

При образовании губерний и уездов при Екатерине II (в 1775—1780 г.г.), имелось ввиду, как мы видели, только количество населения. В последующее время при установлении административных единиц принимались во внимание уже более разнообразные условия: экономические, чаще стратегические, пространство и т. д.

В настоящее время вопросы образования губерний должны решаться исходя из самых разнообразных точек зрения. Если прежде во главу угла ставились количество населения, а затем величина территории, то теперь следует ставить сюда удобства населения и возможность нормального функционирования всех частей губернского управления. Эти два условия предполагают, само собой разумеется, желательность и важность однородности естественно-исторических и

экономических условий и этнографического состава населения. Далее необходимо сообразоваться с финансовыми возможностями государства с одной стороны, и с финансовыми условиями области, как местной общественно-хозяйственной единицы, с другой стороны. Впрочем, финансовые условия имеют в настоящее время, пожалуй, господствующее значение. В этом отношении любопытно, что и Петр Великий, перекраивая в 1699 г. Россию на провинции, исходил главным образом из финансовых соображений. Разница лишь в том, что он имел в виду удобства взимания денежных сборов, а теперь преследуется цель экономии расходов на администрацию.

Ставя на первое место удобства населения, следует оговориться, что принцип этот не может быть одинаково применен во всех без исключения случаях, в частности, ко всем уездам, которые надлежало бы присоединить к Вологодской области. По отношению к одним уездам он выразится в положительной форме, к другим—в отрицательной.

Положительно удобно для населения присоединение к Вологодской области уездов Солигаличского и Чухломского Костромской губ., лежащих к северу от Вологда-Вятской ж. д., непосредственно прилегающих к Вологодской губернии. Из них в Кострому надо ехать через Буй, от которого до Вологды ближе чем до Костромы. Сюда же надо отнести Буйский, Галичский и Кологривский уезды той же Костромской губ., через которые проходит Вологда-Вятская ж. д. Первый из них граничит с Вологодской губ.; от Буя до Вологды всего 127 вер., от Галича 177 вер., между тем до других предполагаемых областных центров раза в два дальше и ехать туда надо через Данилов, с 2—3 пересадками.

Пошехонский уезд Яросл. губ. настолько тесно связан с Вологдой экономически, что давно уже надо было подумать о неудобствах, испытываемых населением от нахождения его в составе Ярослав. губ. Уезды Любимский и Даниловский, мало чем отличающиеся от Вологодской губ. в отношении хозяйственном, граничат с Вологодской губ. и включение их в Московскую область (до Москвы в 3 раза дальше) ничем не вызывалась бы.

Уезды Череповецкий, Кирилловский, Устюженский и Белозерский всегда испытывали неудобства от нахождения их в составе Новгородской губ. Они связаны с Вологдой и жел. дорогой и Мариинской водной системой, а расстояние от этих уездов до Вологды в два и три раза ближе чем до Петрограда, к области которого имеются предположения их включить, хотя ни экономических связей, ни однородности хозяйственных условий у них с Петроградской губернией нет.

Выше перечисленные уезды Костромской, Ярославской и Новгородской губ. в интересах удобства населения и по экономическому сходству их, должны быть включены в Вологодскую область.

Несколько особняком стоит Северо-Двинская губерния. Конечно, за полной ненадобностью она неизбежно будет упразднена, если бы даже намеченная центром реформа и не осуществилась. Для нас вопрос заключается в том, удобнее ли для населения нынешней урезанной уже Северо-Двинской губ. быть в составе Вологодской области, либо Архангельской или Вятской.

При разрешении этого вопроса надо иметь в виду, что все сколько нибудь значительные реки, находящиеся в Северо-Двинской губ., (Юг, Луза, Вилядь и др.) текут на север, а не на юг. Речных путей, ведущих из Северо-Двинской губ. на юг, нет. Железная дорога на Вятку, благодаря Котласскому тупику, в экономической жизни губернии играет весьма малую роль. В летнее время бывают более оживленные сношения с Архангельском и Вологдой по водным сообщениям, чем зимой с Вяткой, когда нередко поезда ходят пустые, а грузов нет вследствие замерзания рек: ведь главный груз Котласской линии все таки хлеб, идущий из Сибири в Архангельск транзитом. Вследствие всего этого, экономическое тяготение Северо-Двинской губернии окончательно еще не определилось. Оно будет зависеть от тех ж.-д. линий, какие пройдут по этому краю. А так как до сих пор план железнодорожного строительства разрабатывался и подлежащими сферами принимался в направлении путей с востока на запад (Котлас — Вельск — Званка, Котлас — Шенкурск — Сорока), — то и в перспективе мыслится тяготение к Вологде либо Архангельску, но не Вятке. Разрешать спор между Архангельском и Вологдой уже легче: областной город только посредствующий между уездами и промышленными городами, равно Москвой, как административным центром. А так как путь в промышленные центры и в Москву из В. Устюга лежит не через Архангельск, то очевидно, что Северо-Двинская губерния не может быть включена в состав Архангельской области. В смысле расстояний получается такая картина: от Устюга до Вологды грунтовыми дорогами 456 вер., до Архангельска около 700. По железной дороге в Архангельск надо ехать через Вологду. Таково же отношение расстояния от уездных городов Северо-Двинской губ.

Образуемая в составе примерно 23 уездов Вологодская область будет занимать площадь до 270 кв. верст с населением до трех миллионов чел. По сравнению с величиной Вологодской губ. дореволюционного времени население предполагаемого ее состава почти удвоится, площадь же будет меньше $\frac{1}{10}$ на 20—25.

Перейдем теперь к вопросу о возможности на проектируемой территории нормального функционирования всех органов областного управления. Мы полагаем, что оно вполне возможно, как возможно было прежде на значительно большей площади губернии, в которой население было реже, путей сообщения меньше, экономическое развитие слабее. В самом деле, новая Вологодская область освобождается от глухих, мало населенных, огромных пространств Яренского и Устьсысольского уездов (до 200 т. кв. вер.), о которых обычно говорилось, что туда три года скачи, не доскачешь, и будет увеличена за счет местностей, где хозяйственная жизнь более развита, где население гуще, где пути сообщения лучше. Правда, жел. дороги по прежнему приходится на юго-западную, сравнительно небольшую часть области северо-восточная опять будет отставать в своем развитии, но уже так сложилось исторически, что культура идет с запада на восток, и востоку приходится терпеливо ждать, когда до него дойдет очередь. Устранение такого привеска, как Устьсысольский и Яренский уезды, для дела администрации большой плюс. Словом, внешние условия, казалось бы, не представляют каких либо препятствий для управления губернией в 270 т. кв. верст с 3 милл. жителей.

Нормальное отправление дела администрации требует, впрочем, не только известных внешних удобств и условий материальной куль-

туры (дороги и пр.), но и наличия учреждений, которые как по свойству их задач и степени власти, так и по своему персональному составу, по имеющимся в их распоряжении денежным и материальным ресурсам способны вести дело управления.

По поводу компетенции учреждений и степени власти их нельзя не говорить, коль скоро всю Великороссию предполагается разделить на 12 областей вместо 40 губерний. Проектируемые преобразования, думается нам, должны вылиться не только в одно деление на новые областные территории, но этой необходимой и давно назревшей мере должно сопутствовать усиление компетенции местных учреждений, перенесение власти с центра на места, то, что называется децентрализацией. Идея эта не нова, она тщетно в течение десятков лет отстаивалась лучшими нашими мыслителями, публицистами и деятелями, но в рамках старого строя не могла, конечно, дожидаться осуществления. Поскольку усилена будет власть местных учреждений и расширена их компетенция, постольку увеличиваются удобства населения в пользовании административным аппаратом, судом и проч., постольку, с другой стороны, меньшее значение для дела управления будет иметь величина территории. Само собой разумеется, говоря о децентрализации, об усилении компетенции местных учреждений, мы имеем в виду не ту „власть на местах“, какую мы пережили 3—4 года назад. То не была децентрализация, как о ней мыслят обычно, то была неизбежная пора революционного захвата власти и неумелое пользование ею. Теперь говорится о перестройке административного аппарата в достаточно спокойной обстановке, после длительного (4-х летнего) опыта, всех нас многому научившего. Увеличение территории административных единиц не может принести вреда делу управления потому во первых, что в деятельности меньшего количества местных установлений на большей территории лучше может быть проведено начало *единства* управления, во вторых, *облегчается* дело надзора и контроля центра над областью, области над округом, в третьих, к делу администрации могут быть привлекаемы *лучшие силы*, — т. е. устраняется распыление их.

Проектируемая реформа имела бы огромное значение с финансовой стороны.

Тенденция экономии в затратах на правительственные учреждения, твердо и последовательно проводимая Центром в последние 3—4 месяца, должна быть и, очевидно, будет доведена до логического конца. Эта политика сокращений выливается, судя по многим признакам, не в одно сокращение учреждений и служащих ради экономии, но связывается с улучшением, усовершенствованием советского аппарата в целом. Упразднение таких ненужных учреждений, как губернский комитет государственных сооружений, губернское управление местного транспорта и пр.; передача другим учреждениям одних их функций и отказ, хотя бы временный, от других функций приводят на практике к тому, что сеть советских учреждений смыкается, выравнивается, становится более приспособленной к потребностям жизни и времени, — словом, углы сглаживаются, вещи начинают занимать свойственные им места. Еще не оценено и не понято, пожалуй, то великое значение, какое займет в недалеком будущем признание за местами своих местных нужд, удовлетворение которых должно относиться на местные средства. Коль скоро идея эта найдет свое воплощение в тех или иных органах, полно отражающих местные нужды и интересы, —

местный бюджет будет краеугольным камнем местного хозяйственного и культурного строительства.

В последние 4 года вопросы местного хозяйства отошли, по весьма понятным причинам, на задний план. Но лишь только кончились внешние и внутренние войны, как они заняли место в порядке дня. Сделанное до сих пор, впрочем, только начало, только период организации местных учреждений. В этом отношении необходимы и, конечно, еще будут сделаны многие перемены: мало создать органы местного хозяйства,—надо точно определить рамки их деятельности, т. е. права, обязанности, компетенцию. И вот, все это надо строить, нам думается, имея в виду новую территорию областной административно-хозяйственной единицы, подведя под нее прочный фундамент в виде местного бюджета.

Новая экономическая политика, выдвинув на очередь местные бюджеты, застала места в полном смысле врасплох. Не только представляет большой труд определить объекты обложения и платежные силы населения,—нет возможности провести грань между тем, что относится на государственные и что на местные средства. Это потому, что не проведено еще формальной границы между общегосударственными и местными потребностями, что не определились методы размежевания между ними, что к работе этой не привлечены местные хозяйственные органы, что самые эти органы построены бюрократически и не имеют связи с населением, они оторваны от него. Поэтому, собственно, и деятельность их лишена живого начала, мало производительна и ограничена мертвящей канцелярщиной.

Область, как административно-хозяйственная единица, должна быть наделена достаточными правами для осуществления задач местного управления и хозяйства, в том числе и правом обложения. Областное начало ведь не какое то чужестранное растение, не могущее прижиться на русской почве. Им запечатлена, и особенно у нас на Севере, жизнь XVI—XVII веков. Вся суть только в правильной организации области, как административной единицы и хозяйственной общины, но ведь правильно организовать ее теперь куда как легче, чем в XVI веке. У нас есть и опыт, и наука, и пример иностранных государств.

Именно по отношению к общине надо говорить, что сокращение числа административных делений и увеличение территории хозяйственных единиц выгодно в финансовом смысле. С одной стороны, дешевле будет стоить управление этим хозяйством, с другой—больше затрат может быть сделано на производительные нужды. Взятый с населения, посредством обложения, рубль взят не с типографского станка, он уже выражает затрату труда на производство какой-то ценности.

Таким образом, с какой бы точки зрения ни взглянуть на дело, выдвигаемые жизнью проекты сокращения числа губерний и образования областей заслуживают полного внимания.

Ал. Количев.

П. В. Засодимский.

(К 10-летию со дня смерти писателя).

I.

Десять только лет отделяют нас от смерти П. В. Засодимского, одного из симпатичнейших представителей народнического направления в нашей литературе, а в рядах русской интеллигенции редко можно встретить лицо, которое было бы знакомо с половиной, хотя бы, его романов, повестей и рассказов. Изданное в 1895 г. самим автором собрание его произведений (в двух томах) расходилось так медленно, что ни при жизни автора, ни после смерти не потребовалось второго издания. В памяти современного читателя Засодимский известен, главным образом, как писатель для детей, хотя сам Павел Владимирович придавал своим рассказам для детей гораздо меньшее значение, чем повестям и романам, и писать их стал лишь во вторую половину своей литературной деятельности.

Засодимский родился 1 ноября 1843 года в г. Великом-Устюге (тогда Вологодской губ.), в семье небогатого дворянина, владевшего небольшой усадьбой, доходов с которой далеко не доставало для обеспечения семьи. Детство свое П. В. проводил то в деревне, то в г. Никольске (Вологодской же губ.), куда отец его поступил на службу, вынужденный занять скромную должность провинциального чиновника.

У отца П. В. была большая библиотека, из которой будущий писатель и брал без разбора все, что попадало под руку. Уже до поступления в гимназию он был знаком с произведениями Державина, Фонвизина, Пушкина, Жуковского, Дефо, Плутарха и успел прочесть массу романов, как оригинальных (русских), так и переводных. С детства же владел П. В. и языками французским, немецким и польским.

В 1856 г. П. В. принят был в Вологодскую гимназию, а в 1863 г., по окончании курса в ней, зачислился в вольнослушатели юридическ. факультета С.-П.-Б. университета. Через два года он вышел из университета (повидимому, по недостатку средств), и с этого времени (вплоть до 1872 года) вел полную лишений и невзгод жизнь интеллигентного пролетария, существуя то на заработок от частных уроков (в Пензенской губернии), то на жалованье народного учителя (в Боровичском уезде, Новгород. губ.).

Оставив должность учителя „по независящим обстоятельствам“, П. В. с 1872 г. решил посвятить себя исключительно литературной деятельности.

„Если бы я не был убежден,—объяснял он впоследствии мотивы такого решения,—что моя литературная деятельность приносит пользу, то я никогда и не написал бы того, что мною написано. Я писал потому, что всегда был убежден, что я по мере сил моих исполняю известную часть общей работы, забрасывая в душу читателя добрые чувства и мысли, любовь к ближнему, отвращение к злу, к насилию и сострадание к несчастью. Я убежден, что не воду толку, не зря разбрасываю в мире печатную бумагу, но делаю свое дело в пространстве, отведенном мне моим талантом и условиями места и времени. Если бы хотя на миг поколебалось во мне это убеждение, я перестал бы жить“. (См. предисл. П. В. к „Полн. собр. соч.“).

Первые литературные опыты П. В. относятся к 1867 г., когда им были написаны (вскоре появившиеся в печати) воззвание к русскому обществу в защиту болгар, в то время угнетавшихся турками (напеч. в „Голосе“), и несколько стихотворений (помещ. в „Иллюстр. Газете“), не имевших почти никакого успеха. Лучше были приняты публикой повести „Грешница“, „Волчиха“, „А ей весело—она смеется“, „Темные силы“ и „Старый дом“, написанные в период времени между 1868 и 1870 г.г. Четыре года спустя, в 1874 г., П. В. написан был его лучший и наиболее популярный в свое время роман „Хроника села Смурина“ (напеч. в „Отеч. Зап.“ 1874 г. под псевдонимом „Вологдин“), служивший, как о том говорят биографы писателя (см. напр. „Ист. В.“, 1912 г., кн. 6), между прочим, и „для целей пропаганды во время хождения в народ.“—Читатель 70-х годов—находим мы в одной из биографий П. В.—всем направлением романа призывался к борьбе. Немудрено, что „Хроника села Смурина“ казалась ему вполне подходящей для возбуждения в народе тех же чувств и что изданную отдельно книгу эту он торопился раздавать своим прозелитам из народной и рабочей среды.—Это был момент наибольшей известности Засодимского и наибольшего влияния его на читателей.

Затем последовательно появились в печати „Степные тайны“ (в „Р. Б.“ за 1880 г.), „Кто во что горазд“, „Терехин сон“ (в „Слове“, 1878—1880 г.г.), „По городам и весям“ (в „Наблюд.“ за 1885 г.), „Грех“ (в „Рус. Б.“ за 1893 г.), „Три дороги“, „Семья Подошвиных“, „Веретьев“ и ряд других произведений, крупных и мелких, печатавшихся в журналах „Сев. Вест.“, „Сияние“, „Р. Жизнь“ и др.

С конца 70-х годов П. Вл. начал первые опыты в детской литературе, которые (начиная с первого рассказа „Заговор сов“, напеч. в „Детск. Чт.“), по авторитетному мнению А. М. Скабичевского (см. „Ист. нов. р. лит.“, изд. 2, стр. 250—251), должны считаться „лучшим (из того), что существует в детской литературе по беллетристике“. „Задуманный талант и задуманный писатель, близко, к тому же, знавший (по работе в школе) мир детей и детские интересы, П. Вл. легко завоевал симпатии читателя-ребенка и читателя-подростка. И если для произведений П. В. для взрослого читателя не потребовалось второго издания, то изданные им сборники рассказов для детей („Задуманные рассказы“, „Бывальщины и сказки“, „Дедушкины рассказы и сказки“ и др.) разошлись в огромном количестве экземпляров и до сих пор составляют любимое чтение школьников.

Кроме беллетристических произведений, перу П. В. принадлежит ряд публицистических трудов и статей, из которых наиболее солидным трудом является „Деспотизм, его принципы, применение их и борьба с деспотизмом“, а наиболее выразительной и для характеристики П. В., как писателя-публициста, наиболее ценной должна быть признана до сих пор нигде не напечатанная и печатаемая в этом № журнала статья „В наши дни (о крестьянских волнениях в 1905—1906 г.г.)“

Из публицистических работ П. В. выделяется статья „Вопросы молодого поколения“ в журнале „Слово“ за 1880 год. Статья эта произвела на общество сильное впечатление, была написана настолько горячо и смело, что, насколько помнится, журнал получил за нее так называемое „предостережение“.

Как публицист, Павел Влад. принадлежал к числу тех редких в последние десятилетия работников на общественной ниве, для которых их общественная деятельность являлась не столько работой,

сколько „подвигом“, своего рода „служением“—беззаветным и бескорыстным „служением вечным идеалам добра и правды“. Честность и неподкупность взглядов П. В. Засодимского, его искренность и верность девизу „amicus Plato, sed magis amica veritas“—в его публицистических статьях сказались еще ярче, нежели в вышедших из под пера его романах и повестях.*)

В первой половине 90-х годов после демонстративных похорон Шелгунова в Петербурге, в 1891 году, П. В. был выслан в Вологду. Это время совпало с сильнейшим голодом охватившим юго-восток России и Засодимский решил помочь голодающим путем издания специального сборника, который и вышел в 1892 году под названием „Помочь“, вологодский сборник в пользу голодающих“. Благодаря своим обширным связям, Засодимскому удалось привлечь к сборнику ряд крупных писателей, среди коих Цебрикову, Мак-Гахан, Генри Джорджа, С. Мережковского, В. Соловьева, Алчбова; из вологжан дали свои произведения А. В. Круглов, Л. Ф. Пантелеев, д-р А. А. Снятков и А. А. Тарутин.

Умер П. В. 3 мая (ст. ст.) 1912 г. в имении Хлудова „Жадины“, близ Опеченского посада Новгородской губ.,—от грудной жабы, осложнившейся воспалением легких. Через пять дней после смерти писателя состоялись его похороны, во время которых тысячная толпа народа, состоявшая из крестьян, школьников и учителей начальных школ и из представителей сельской разночинной интеллигенции, провожала умершего писателя к его могиле. „Почти позабытый в широких читательских кругах (города),—писал, подчеркивая этот факт, автор одного из некрологов, „П. Вл. Засодимский был любим и почитаем *там*,—в народной массе, для которой он жил и работал всю свою долгую и согретую любовью к человечеству жизнь!...“

II.

Как писатель, П. В. Засодимский принадлежал к тем представителям народнической нашей литературы, которые оттеняли в народной жизни преимущественно ее мрачные стороны: „Не отрицая у народа больших способностей ума и души, писатели-народники этого толка сосредоточили все свое внимание на темных явлениях порчи народных дарований, вызванной теми ужасными условиями, среди которых народу пришлось жить целые столетия... Они были убеждены, что народ.. условиями своей бесправной и нищенской жизни доведен до таких степеней умственной и нравственной беспомощности, при которых нельзя ожидать никакого улучшения в его положении“. („Наше недавн. пр.“ Н. Котляревского, стр. 69-70).

П. В. и сам признавал, что ему близки писатели-народники именно этого типа. „Меня не раз упрекали“—пишет он в предисловии к „Полн. собр. соч.“ своих—„печатно, в письмах и устно за то, что я обращаю внимание преимущественно на темные стороны жизни. Не знаю,.... едва-ли, по справедливости, можно обвинять меня за то, что впечатления, получаемые мною от наблюдаемой действительности, в громадном большинстве окрашиваются в темные тона. Едва-ли справедливо

*) Недаром в статье своей „О кр. волнениях“ П. В. выражает сожаление, что „под покровом мрака ночи 80-х и 90-х годов“ набралось в нашу журналистику много гнусной, скверной тли, составившей довольно значительный контингент провокаторов, сплетников и пасквильантов“, чье „перо готово к услугам всех, кто достаточно платит“.

обвинять меня за то, что мои физические и умственные очи решительно не видят ничего светлого, радостного там, где его видят другие“.

В соответствии с этим, уже в одной из первых повестей своих П. В. Засодимский рисует жизнь такими штрихами: „Страшнее вьюги и метели шумит и стонет тот омут, что зовется жизнью... В этом омуте щепки и тина плавают поверху, а золотой слиток и алмаз идут ко дну... Когда, отрешившись от всего ходячего и предвзятого, (вздумаешь) посмотреть совершенно об'ективно вглубь этого омута—мороз подерет по коже, дыбом волос станет... Не знаешь: кому помочь? кого жалеть? кому посылать проклятия? Оглянешься, подумаешь—и страшно станет“.

В последующих произведениях Засодимского отношение его и героев его к жизни осталось тем-же самым. В очерке „Веретьев“ (написан в 1889 г.) дается гнетущая картина бессодержательной и безцельной, до бессмысленности, жизни,—тяжелой, в особенности, потому, что в ней „нет чувства общей связи, нет скрепляющего общего дела, нет поднимающего личность сознания гражданина“. Повидимому спокойный и уравновешенный, готовый работать для блага народа, герой этого очерка Веретьев по временам испытывает злобный порыв „наплевать на все“ и не удовлетворяется высокой целью „поднимать отечественное земледелие“ и тем улучшать материальное положение деревни, ибо не может забыть, при этом, основного и неизменно мучащего его вопроса: „Ну, отдам я (другим) и силы и состояние, а сам-то я себя куда пристрою?“ Другой герой, некто Свирский, пьянствует, рассуждая: „для кого и зачем я буду беречь себя, кому я нужен?“

Неудивительно, что широких замыслов переустройства жизни и стойкой веры в осуществимость идеалов нет у героев Засодимского (у „интеллигентных“ в особенности). И почти единственным их желанием (на ближайшее, по крайней мере, время) являются не мечты „о полном равенстве, о светлом царстве всеобщего мира и любви, о праве всех на равную с другими сумму благ“, а стремление устроить жизнь „не по-собачьи, перебиваясь как-нибудь со дня на день“, а так, чтобы можно было—„жить привольно и счастливо“. („Волчиха“, 1868 г.).

В полную противоположность прежнему „барски-соболезнующему, смягченному и приподнятому изображению народной жизни“ и „трезвой правде“ Решетникова (выражение И. С. Тургенева) и Ник. Успенского, изображавшего народ как скопище дураков, плутов и лентяев, мужик у Засодимского изображается чуть-ли не воплощением всяких нравственных и даже умственных совершенств. „Деревенских Лассалей изображал Засодимский“, лаконически формулировал свое отношение к произведениям П. В.—ча С. А. Венгеров.

Положительные типы крестьян, встречаемые в произведениях Засодимского, рисуются им в двух видах: или это строптивые протестанты, вроде Волчихи, Митюхи Косматого или Авгушки, или же кроткие типы проповедников „правды Божией“, как портной Иван Мудрый, портной Прокопий и Дмитрий Кряжев.

Не останавливаясь на первых типах, как довольно обычных в нашей литературе XIX века и по существу мало интересных, попытаемся, насколько позволяют размеры статьи, охарактеризовать героев второго ряда, являющихся проповедниками новой правды и строителями жизни на новых основах.

В ряду этих героев на первом месте по ясности и определенности его идеала должен быть поставлен портной из пов. „Грех“. „Большой грех только о житейском думать“, рассуждает портной Прокопий: „Нужно и о душе помышлять. Ведь не для одного корма мы живем“. И он горячо спорит с Чабаном, суровым и исправным хозяином, готовым ради наживы надорваться над работой и надорвать своих семьян. „Грех великий чужим горбом работать“,—усоветывает Прокопий Васильевич Чабана: „с этого греха и пошла неправда по земле“.

Герой рассказа „Пропал человек“, Андрей Прохоров, ищет помощи „не от мира сего“. „Если бы знать—думалось ему—такое вещее слово, с помощью которого можно было бы просветить людей, сделать их добрее, раскрыть им глаза, чтобы они могли видеть,—и соединить все силы в одном деле“. И „если бы он знал такое слово“,—добавляет автор: „то, конечно, сказал бы его“, несмотря ни на что: „после будь с ним, что будет—ему все равно“.

Митюха Косматый (из расск. „Волчиха“), „ругатель за неправду“, которого „в мире чиновничества прозвали бы беспокойным человеком“,—совсем в другом роде, нежели Прокопий и Андрей. По существу природы своей протестант, он имеет в своих воззрениях и нечто положительное. Он не верит, подобно Андрею и Прокопию, что идеальные порядки могут быть внесены в жизнь „внутренним путем—совершенствованием личности, путем откровения ей правды Божией и стремления ее (личности) жить в правде“; он полагает, что к улучшению жизни есть только „один путь—создание лучших законов, общественных учреждений и разрушение всего того, что стесняет здоровое развитие человека“.

По этому пути, едва намечавшемуся в сознании неграмотного Митюхи Косматого, прошедшего лишь суровую школу жизни,—твердо идет герой „Хроники села Смурина“, Кряжев. Он практик в лучшем смысле этого слова; он и не женится потому только, что женатому человеку труднее служить „миру“. Познакомившись с „доброй барыней“ и „либеральным земцем“, Кряжев организует ссудо-сберегательное товарищество, кассу. Но Кряжеву того, что им сделано, всегда мало: его планы гораздо шире открывающихся пред ним возможностей. „Ни лешего не сделано“, размышляет в конце романа Кряжев: „И я-то дурак, дурак! Разве в корыте можно море переплыть!“.

Более сорока лет работал на литературном поприще Засодимский, и во всех произведениях своих обнаружил основательное знакомство с изображаемой им народной жизнью (особенно родной ему Волог. губ.) и верно передал то, что почерпнул в глубинах ее. Уже при самом беглом знакомстве с произведениями его чувствуется, что „пишет не между прочим забредший в деревню фотограф, который сумел наставить свой аппарат на самые эффектные картины и группы; пишет человек не только много видевший и добросовестно изучивший виденное; но много думавший над народной жизнью и глубоко почувствовавший ее, с ее тьмою и мерцающими среди нее искрами света“, с такою любовью отраженными им в положительных героях его произведений. („Р. М.“, 1896 г., II кн.).

И в этом право Засодимского, если и не на бессмертные, то, по крайней мере, на продолжительную и благодарную память.

Библиография.

Бежецкий Край. Первый выпуск статей Бежецкого Научного Общества по изуч. местн. края. Бежецк. 1921 г. Госиздат, Тверское отделение. (102 стр.).

Перед нами — умело, с любовью и знанием дела составленный первый выпуск материалов Бежецкого краеведческого научного общества, начавшего свою деятельность с сентября 1920 года.

Книжка открывается превосходной статьей А. А. Спицына „Бежецкие древности“, где в сжатой форме выпукло и отчетливо даны сведения по археологии края. „Новгородский и вообще северо-западный озерный русский неолит, говорит автор, имеет по своему богатству и разнообразию огромный, можно сказать, исключительный научный интерес. Это — лучший классический неолит Европы“. И для ознакомления с периодом местного каменного века в работе А. А. Спицына читатель найдет исчерпывающий материал, знакомясь попутно и с теми задачами, которые стоят теперь перед археологами в данной области. Находки медного периода и финские древности края также систематично описаны легким и понятным языком. Особенно финские древности в форме культуры типа Дьяковых городищ VI—VII в.в., распространенных широко от Белозерска и Галича на северо-востоке до Десны на западе, и памятники норманской и древне-русской культуры представляют крупный интерес для местных историков-археологов. Моренные образования Бежецкого Края связывали своим геологическим складом и направлением рек давние культуры литовского и финского миров, а в русском периоде открывали пути для взаимодействия через Осташков на Полоцк и через Ржев на Смоленск. Понятно, что в Бежецком крае, все еще недостаточно изученном, кроется огромный материал живой и богатой старины, старины финской, норманской и новгородской. Обзор и оценку открытого наукою материала, а также литературу к нему, и дает названная выше работа.

Ознакомясь с древностями края, читатель из историко-географического очерка И. Н. Постникова „Бежецкий верх“ узнает — как постепенно в качестве новгородской колонии в инородческом племени Югы (по Европеусу), или Веси (по Покровскому и Аспелину), а может быть и Мери (по Уварову и Богданову) сложилась особая область, особая новгородская „пятна“, сделалась затем предметом борьбы между Москвой и Новгородом, стала „Бежецким верхом“ московских государей и перестроилась в уезд при реформе Екатерины II — в 1796 году. Очень подробная картина перекройки области каждому интересующемуся судьбой русского административного деления дает много ценного.

Дальнейшие статьи, — И. Н. Постникова „Дворянское землевладение в Бежецком уезде“ и С. Г. Петровского „Основные черты хозяйственного быта Бежецкого у. конца 18 века“, — в сжатых схематических чертах дают наброски экономической жизни края; материалом для первой-служили писцовая книга Ласкирева 1582 г., Разборная десятина Бежичан — 1622 г., переписная книга Беж. у. 1709 года, окладная книга Беж. Воевод. Канц. 1773 года и целый ряд архивных документов 19-го века; материал для второй дала книга — генеральное соображение по Тверской губ. 1783—1784 г.г. Недостаток места не позволяет нам подробно сообщить об этих работах, равно как и о статьях по этнографии края (Д. А. Золотарев „Этнограф состав населения Беж. у.“ по материалам этнологическ. экспедиции при Р. Академии наук, и С. Д. Сеницына — „Теплешане“).

Не давая об указанной выше книжке рецензии в настоящем смысле этого слова мы считаем необходимым в наши дни, когда с таким трудом узнаешь о новых работах, обратить внимание широкой публики на первый выпуск трудов Бежецкого Научного Общества, как на чрезвычайно ценный вклад в родниоведческую литературу, и вместе с тем не можем не пожелать Обществу успеха в труде по изучению естественных богатств края и его экономики.

Л. Андреевский.

Из жизни Северного Края.

Из жизни Вологодского Общества изучения Северного Края. 2 апреля состоялось годовичное общее собрание членов общества. Председательствовал Д. И. Деларов, секретарями собрания были С. Н. Самарин и И. А. Тюрнин.

Повестка дня: 1) отчет правления о деятельности общества за 1921 год и заключение по нему ревизионной комиссии; 2) доклад Е. А. Писковой о Всероссийской кон-

ференции научных обществ по изучению местного края; 3) выборы членов правления и ревизионной комиссии и 4) о возобновлении членских взносов.

Прочитанный отчет правления отмечал замечательное оживление в деятельности о-ва объясняемое улучшением внешней обстановки работы и улучшением материальных условий вследствие значительной помощи со стороны кооперативных союзов (Северо-союза, Лесоартели, Артельсоюза и Вологжанина). Подробные извлечения из отчета будут даны в 3-ей книжке журнала „Северный Край“. Собрание, на которое из 105 членов явилось 40 (явление, мало знакомое даже дореволюционному периоду жизни о-ва), прошло весьма оживленно под знаком живого интереса к родниоведческой работе. Приняты предложения о привлечении к ней молодежи, о популяризации родниоведческой идеи и научных знаний по краеведению среди широких слоев населения, о связи с кооперацией, об образовании комиссий и вовлечении в работу в них всех членов о-ва, о составлении на этих началах программы деятельности о-ва.

Выборы дали такие результаты: в члены правления избраны: А. А. Колычев, С. Н. Самарин, Л. И. Андреевский, А. А. Тарутин, А. П. Башилов, Е. А. Пискова, Л. Н. Вухштейн, М. Н. Богословская, Н. А. Коковиц, И. А. Тюрнин; в кандидаты: Н. Я. Достойнова, А. Н. Мечь и С. В. Клыпин. В члены ревизионной комиссии В. Н. Васильев, К. А. Липинский, А. А. Богусевич.

Вопрос о возобновлении членских взносов передан правлению для разработки и представления доклада ближайшему общему собранию.

Доклад Е. А. Писковой, отмечавший главнейшие моменты работы Всероссийской конференции краеведческих обществ, заслушан был с большим интересом и вниманием.

В заседании членов нового правления о-ва, происходившем 5 апреля, избраны: председателем правления А. А. Колычев, товарищем председателя Л. И. Андреевский и секретарем С. Н. Самарин. В том же собрании образованы постоянные комиссии: музейная, историко-археологическая, географическо-этнографическая, редакционная, естественно-историческая и промышленно-экономическая. Кроме того, образована временная организационная комиссия для переработки устава, выработки правил пользования библиотекой и составления программы деятельности о-ва.

23 апр. в помещении публ. библиотеки член общества, начальник Большеземельского отряда Сев. Научно-Промысловой Экспедиции, Д. Д. Руднев прочел лекцию „По неисследованным местам Большеземельской тундры“. Лекция сопровождаемая многочисленными диапозитивами, собрала большую публику и вызвала значительный интерес.

Сообщения с мест.

Великий Устюг.

В № 1-ом журнала „Северный Край“ Д. Д. Руднев сообщает о найденных в месте стоянки доисторического человека на р. Вычегде остатках каменных орудий и черепков. Эта ст. напомнила мне беседу с бывшим земским врачом В.-Устюгского у. К. А. Линовским, который указал мне (в 1905 г.) место подобной стоянки на р. Юге. Местность, где найдена стоянка, известна и мне. Это внешний край древней террасы долины Юга, с правого берега в 40 верстах от В.-Устюга, вблизи д. д. Мармулина и Павшина, Устьаляксеевской вол. В.-Устюг, у.

Сложенная флювио-гляциальными слоистыми песками, терраса, некогда покрытая сосновым бором, представляла обширную боровую пустошь, в значительной части, особенно по внешнему краю, лишенную связанного растительного покрова и раздутую в многочисленные подвижные дюны. Линия края террасы у д. Павшина (расположенной в современной долине Юга) образует почти прямой угол, соответственно конфигурации современной долины и повороту реки Юга с В-З направления в Ю. С. направление. Здесь, около поворота, раздутость, а отчасти и размытость берега древней террасы наибольшая, так что образовались как бы холмы.

На одном из холмов находится незначительная россыпь, состоящая из остатков камней, кремневых осколков и пр.

Приблизительно в 1905—6 г.г. К. А. Линовский, часто бывая в Устьаляксеев по делам службы, посещал эти дюны и там, с помощью деревенских мальчиков, собирал обломки, по его словам, каменных орудий: грубой обработки скребков, наконечников стрел и т. п., а несколько далее этих дюн к северу в песчаной осыпи древней береговой террасы находили черепки из несобожженной глины.

Заинтересованный сообщением Линовского, я также неоднократно бывал на этих местах и также собрал небольшую коллекцию черепков из серой глины; на некоторых из них были следы орнамента в виде точек в один и в два ряда. Но коллекция моя оставлена в местном училище.

Что случилось с коллекцией К. А. Линовского сказать ничего не могу. Сам Каз. Ант., как врач, был мобилизован в действующую армию и я потерял его из виду. Впрочем носился смутный слух, будто бы его находки послужили ядром для Устюгского музея.

Сообщая факт нахождения следов стоянки доисторического человека на р. Юге, я питаю надежду, что, быть может, Вологодское Общество изучения Северного Края обратит внимание на мое указание и при случае займется детальным обследованием упомянутой местности.

Добавлю, что, по словам сына, многократно делавшего в названной местности ботанические экскурсии, песчаные осыпи и дюны этой древней террасы имеют в своей флоре некоторые растения, представляющие для района особый ботанико-географический интерес, т. к. они могут быть рассматриваемы, как остатки флоры давнего периода (См. книгу А. П. Шенников. К флоре Вол. губ. Тр. Спб. Общ. Естеств. 1914—15 г.г.).

Петр Шенников.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. О крестьянских волнениях в 1905—1906 годах. <i>П. В. Засодимской</i>	3
2. Говоры Прионежья. <i>Н. С. Шайжина</i>	11
Северная Центральная Вологодская область	23—59
3. Районирование с точки зрения сельского хозяйства и его задач. <i>Д. И. Деларова</i>	24
4. Районирование и северная промышленность. <i>Л. И. Андреевской</i>	43
5. Вологодская областная административная единица. <i>А. А. Кольчева</i>	53
6. Павел Владимирович Засодимский (к 10-летию со дня смерти писателя). <i>П. Б-ва</i>	60
7. Библиография. Бежецкий край. <i>Л. И. Андреевской</i>	61
8. Из жизни Северного края	65
9. Сообщения с мест. Великий Устюг. <i>П. П. Шенникова</i>	66

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Открыта подписка на двухнедельный журнал

„КООПЕРАЦИЯ СЕВЕРА“,

издаваемый Вологодскими Кооперативными Союзами: Северосоюзом, Артельсоюзом и Лесоартелью.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА.

На 1 мес.	100.000 руб.
„ 2 „	200.000 „
„ 3 „	300.000 „

Отдельный номер в розничной продаже 60.000 руб.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ.

1 стр. журнала 1 раз	3.000.000 руб.
1/2 „ „ „ „	1.500.000 „
1/4 „ „ „ „	1.000.000 „

Для повторных объявлений скидка по соглашению.
(Цены по старой валюте).

Имеются в продаже № № „Кооперация Севера“ за 1921 г. по 80.000 руб. № В 1921 году вышло 6 номеров.

Подписную плату направлять: Вологда, Северосоюз, Неторговый Отд.

Издакия Вологодского Общества изучения Северного края.

П. А. Дилакторский. Опыт указателя литературы по Северному Краю с 1766 до 1904 года. Ц. 300 т. р., с пер. 325 т. р.

В. Трапезников. Наш край (печатается 2-е издание).

Программа для собиpания этнографических сведений (печатается 2-е издание).

„Известия Вологодского Общества изучения Северного края“. Вып. I, изд. 1914 г., вып. II, изд. 1915 г., вып. III изд. 1916 г., вып. IV, изд. 1917 г. (распрод.).

Готовится к печати „Путеводитель по Музею Волог. О-ва изуч. Северного Края“.

Продаются в Музее о-ва (Вологда, М. Петровка № 1).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журнал

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ,

издаваемый Вологодским Обществом
изучения Северного края.

В журнале будут помещаться статьи по этнографическим, естественно-историческим, экономическим и историко-археологическим вопросам.

Стоимость № 1 — 75 т. р., № 2 — 125 т. р., за пересылку 25 т. р. за №.

Подписка принимается и продажа производится в Музее О-ва (Мал. Петровка, № 1) и в ки. магазинах и киосках г. Вологды.

Издатель — Вологодское Обществ-
во изучения Северного Края.

Ответственный редактор — председа-
тель правления о-ва *Ал. Колычев.*

Р. В. Ц. (Вологда). 242.

Типография „Северосоюза“

Тираж 2000 экз.

КНИЖНЫЙ СКЛАД
„ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“

Вологодского Губернского Отдела Народного Образования,

Вологда, Каменный мост.

ПРОДАЖА учебников и других книг по всем отраслям знания, а также учебных пособий и письменных принадлежностей, нот и календарей. На складе имеются все издания Научно-технического комитета Губсовнархоза („Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного Края“ и пр.), журналы „На грани“, „Северный Край“ и другие местные издания литературного, научного и краеведческого содержания. Склад покупает и **принимает на комиссию** книги как местного, так и иногороднего издания.

„СЕВЕРСОЮЗ“ (Губсоюз) ОТКРЫЛ РОЗНИЧНЫЙ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

в гор. Вологде, ул. Свободы, дом бывший Пермякова.

В магазине имеется большой выбор книг по всем отраслям знания.

Магазин еженедельно пополняется новинками, издающимися в Петрограде, Москве и др. гор.

Иногородные заказы выполняются быстро и аккуратно за наличный расчет, или же высылаются наложенным платежом.

Книгопродавцам делается обычная скидка. Пересылка за счет заказчиков.

Продажа производится без каких либо ограничений.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на сельско-хозяйственный кооперативный журнал

„ЗЕРНО“

Издаваемый Вологодскими Губкредсельсоюзом и Губземуправлением.

Первый номер вышел из печати—второй выходит в конце мая.

Цена первого номера 100.000 рублей, второго 200.000 руб. (без пересылки).

Книжки продаются во всех Вологод. книжных магазинах, киосках и у газетчиков.

Подписка принимается в конторе журнала (Советский проспект, дом Юшина), на почте и лично с 10 до 4 часов дня.

Правление Об'единенных Кожевенных Предприятий

Вологодского Г. С. Н. Х., организованное на Коммерческих (типа Государственного Треста), доводит до сведения учреждений и частных лиц об открытии своих операций, выходящих в следующих основных моментах:

1. Управление Кожевенными предприятиями: 1-м Кожевенником бывш. Т/Д А. Я. Бурлова и С-вья, г. Вологда, 2-м бывш. Бр. Куликовых дер. Деревенька Вологодского уезда, Несвойского Бр. Куликовых дер. Деревенька Вологодского уезда, 3-м бывш. А. В. Миронова г. Грязовец, 4-м бывш. К. И. Кропалева г. Грязовец, 5-м бывш. Г. И. Гридино, Раменской вол., Грязовецкого уезда и Обувной фабрики „Северный Богатырь“, бывш. Гавартина, значительно расширенными шорно-сапожными мастерскими.

2. Заготовка в губернии кожевенного сырья и козовчины и спецификаций своим аппаратом и на началах контрагента согласно декрета С. Н. К. от 3-го августа 1921 г., путем товароснабжения на кожевенные и иные товары и расчет дензнаками по ценам соглашения.

3. Прием на свободных началах и по соглашению сторон заготовки и переработку кож, пошивку обуви механическим и ручным способом шорно-седельные изделия при быстром и аккуратном их исполнении.

4. Закупка топлива, корья, пушнины, рогов, копыт, конского дуба, луба, ворвани, дегтя, сала, извести, соды кальцинированной, вару, дегры, дратвы, винтовой и ручной медной и бронзированной проволоки, ручных текс, каблучных и медных гвоздей, шпильку, сапожно-шорных и прочих материалов, необходимых для Обувно-Шорного производства также продовольствия для рабочих и служащих и фуража на началах и по ценам соглашения.

5. Продажа при широком выборе предметов кожевенного производства: обуви, заготовок, вытяжки, крюков, крестьянской упряжи, седлов, шлей, черезседельников, выросток, конский хаз (подошвенников), полушал и прочих кожевенных и обувно-шорных товаров.

Имея солидный, основной и оборотный капиталы и экономический базис для кожевенной промышленности в губернии, надеемся в ближайшем на значительное расширение операций.

Ваши предложения просим направлять по адресу Кожевенного Предприятия: Краснофлотская улица, дом бывший Губернской Земской Управы, лично, письмами и по телеграфу гарантируя самый срочный ответ.

Сообщая состав Правления: Директор-Распорядитель А. А. Коммерческий Директор Х. А. Борисов, Член Правления Н. Раскатов, Кандидаты: А. Я. Бурлов, А. В. Некрасов, надеемся на полное к Правлению доверие.

КОЖПРАВЛЕНИЕ!

Цена № 1 журн. „Сев. Край“ — 75.000 руб., № 2 — 125 тыс. руб. Подается в книж. магазинах и киосках г. Вологды и в Областном Музеуме Родиноведения (Петровка, № 1).